

18+

Садымак Виктория

Листая старую
тетрадь

Виктория Садымак

Листая старую тетрадь

«Издательские решения»

Садымак В. А.

Листая старую тетрадь / В. А. Садымак — «Издательские решения»,

Найденная тетрадь с родословной раскрывает имена предков, их любовные приключения и жизненные трагедии. Лишь осознав связь поколений и приняв свою природу, потомки смогут выйти из матрицы предначертанной судьбы, чтобы дать роду новое будущее. Сквозь тернии сомнений и пепел личных трагедий герои возрождаются для новой жизни. Каждый новый день убеждает их в простой и великой истине: лишь любовь и справедливость придают человеческому существованию подлинный, священный смысл.

© Садымак В. А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая. История, с которой все началось	6
Глава 1. Танец, подаривший судьбу	9
Глава 2. Роковые узы: когда любовь становится преступлением	18
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Листая старую тетрадь

Виктория Анатольевна Садымак

© Виктория Анатольевна Садымак, 2026

ISBN 978-5-0070-0523-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. История, с которой все началось

Тихим осенним днем Ника сидела в гостиной, держа в руках старую потрепанную тетрадь с выцветшими чернилами. Ника была погружена в глубокие раздумья, которые резко прервал звук домофона. Женщина вздрогнула от неожиданности и пошла открывать дверь. На пороге возникла ее внучка Тина, забежавшая, как обычно, на пару минут после занятий в колледже.

Она ворвалась, словно вихрь, в джинсах, с рюкзаком на одном плече, гиперактивная, с вечно растрепанными волосами и блеском в глазах. Обожающая музыку и историю, она с ходу начала тараторить без умолку:

— Ба, привет! Есть чего пожевать? Я барабанные палочки у тебя забыла и катастрофически на репетицию опаздываю!

Тина училась в школе барабанов и уже делала первые успехи, участвуя в концертах учеников школы. Ника улыбнулась:

— Тина, ты как буря! Всегда куда-то летишь. Вот, возьми бутерброд и чай выпей.

Тина схватила бутерброд и, жуя на ходу, заявила:

— Не, чай не буду, времени нет. А что это у тебя? — спросила она, указывая на тетрадку.

— Тетрадь тетки Алевтины, в которой описана наша родословная. Тут столько историй...

Тина с полным ртом невнятно спросила:

— Родословная? А что там интересного?

— Ты даже не представляешь, сколько там всего! И любовные страсти, и трагедии, и наше происхождение, о котором мы даже не подозревали, — горячо заговорила Ника.

— Серьезно? Неужели мы от Рюриковичей? Или от инопланетных рептилоидов?

— Сарказма тебе не занимать, но ты уж точно рептилия, к гадалке не ходи! Род наш древний, княжеский. А вот от Рюриковичей или нет — надо разбираться.

— Ба, да ты меня заинтриговала прямо! А можно я сегодня останусь у тебя с ночевкой? Ты поведаешь мне тайны наших предков. А вдруг правда? Прикинь, ба, я — княгиня!

— Во-первых, не княгиня, а княжна, а во-вторых, приходи, послушаешь. Может, заинтересует. Предупредим маму, и добро пожаловать в семейные тайны!

Последние слова Тина слушала, уже натягивая кроссовки:

— Да уже заинтересовало! Тогда после репетиции сразу к тебе! Удиви меня, бабуля! Если сможешь! Все, чао! Княгиням негоже опаздывать, верно?

Тина пулей вылетела из квартиры точно так же быстро, как и влетела. Ника вздохнула:

— Вот так всегда. Забежит, все перевернет, то в поисках барабанных палочек, то какого-то блокнота, то наушников, оставив после себя хаос и смятение, и смоеется, предоставив Нике разгребать то, что перевернула, ища брошенную куда попало вещь.

Проходя мимо большого зеркала в прихожей, Ника на минуту остановилась, глядя на свое отражение, и с грустью подумала: «Эх, куда подевалась шустрая, энергичная Ника, всегда хватающаяся за все сразу, вечно куда-то бегущая, но всегда все успевающая?»

На нее смотрела уставшая женщина, которая хотела на данном этапе жизни только одного — душевного покоя. Но душа, по-прежнему остающаяся молодой, несмотря на возраст, все равно металась, куда-то летела, генерировала массу идей, которые, в принципе, кроме нее, никому не были нужны.

Возможно, как и раньше, история повторится, и старая тетрадь никого не заинтересует, но Ника все равно попытается донести хотя бы до внучки историю происхождения их семьи. А там, зайдет история или нет, время покажет! Но она исполнит волю тетки, которая хотела донести эту информацию до всех членов семьи, но, к сожалению, никто не проявлял интереса.

После репетиции Тина опять влетела подобно урагану, сметающему все на своем пути, швырнула рюкзак и с порога безапелляционно заявила:

— Ба, сразу предупреждаю: кушать не буду, мы с девчонками после «репы» зашли в кафешку. Ну давай! Начинаем погружение в историю семьи! Только сначала расскажи, как ты эту тетрадь нашла — и, свернувшись калачиком в большом и мягком кресле, приготовилась к разрекламированному бабулей погружению в семейные тайны.

Поначалу слушала она не очень внимательно, постоянно листая ленту в своем телефоне. Но по мере рассказа телефон был отложен, и перед глазами внучки выстраивались картинки услышанной истории, оживали события из прошлого ее бабули.

Ника внутренне напряглась, вспоминая момент, когда впервые увидела эту тетрадь.

Тот февраль выдался по-особенному холодным и неприветливым. Не было зимней сказки с заснеженными деревьями, катающейся на санках детворой, переливающимися на солнце блестящими прозрачными сосульками, с «февральскими окнами», которые славятся небольшой оттепелью после трескучих морозов и радуют глаз последними штрихами уходящей зимы.

Над городом с бешеной скоростью носилась непроглядная мгла, гонимая ураганным ветром. Лежащий на земле снег поднимался порывами ветра, смешивался с падающими сверху снежными хлопьями и вихрем метался между небом и землей.

Буря набирала обороты, срывая капюшоны с одиноких прохожих, которые дрожали от пронизывающего холода, с завистью посматривали на свет в окнах домов, где было тепло и уютно, где люди были в безопасности.

На втором этаже обычной хрущевки тоже горел свет в окне, но там не было ни уюта, ни безопасности. На кровати лежал Алексей, отец Ники, сильно исхудавший во время болезни, с впалыми щеками и возбужденным блеском в глазах. Онкология последней стадии не оставляла никаких шансов, но своего диагноза он не знал. От него тщательно скрывали, и до сих пор неведомо, знал он и притворялся, чтобы не огорчать близких, или и вправду верил, что все обойдется. Дни тянулись медленно, как резиновый клей, а ночи казались ему вечностью.

На кровать к Алексею присела его дочь Ника. Она приехала из другого города и уже месяц находилась рядом с отцом, который ни разу не пожаловался на боль, а переносил ее с кавказской стойкостью. Он мужчина, а значит, даже если невыносимая боль гнет его в бараний рог, то нужно сцепить зубы и, как он говорил, молча закусить удила.

Томительно шли дни за днями. Однажды он попросил Нику почитать тетрадку, которую много лет назад ему прислала старшая сестра Аля. Там было написано что-то очень важное для семьи. И Алевтина, не любившая звонить по телефону и предпочитавшая общаться с братом только через письма, написала ему информацию, которая бы хранилась у его семьи. Это было что-то очень серьезное и нужное.

Получив тетрадь, Алексей изначально сам пытался прочесть написанное, но у сестры был ужасный почерк и разгадать записи было трудно. После неоднократных попыток разобрать хоть что-то, он забросил тетрадку и забыл о ней. Вспомнил через добрых два десятка лет и, с трудом шевеля пересохшими губами, попросил:

— Ника... Почитай... тетрадку. От Али.

Ника взяла потертую тетрадку в руки. Это была обычная школьная тетрадка на двенадцать листов. Исписанные мелким неразборчивым почерком страницы пестрели сплошными каракулями. Ника напрягла зрение, пытаясь разобрать хоть слово. Кое-как прочитав первую страницу, она, перевернув лист, начала читать дальше, но смысл у текста был совершенно другой, словно тетка продолжала рассказ, никак не связанный с ранее описанными ею событиями. Наморщив в недоумении лоб, Ника продолжала читать, а перевернув страницу, с удивлением обнаружила, что тетка опять вернулась к описанному на самой первой странице. Далее история со страницами повторялась: ни одно продолжение не соответствовало предыдущему тексту на перевернутой странице. Просто абракадабра! Ребус, понять который можно, лишь сломав себе мозг. Отец тоже слушал с удивлением и, наконец, произнес:

— Алька что, дура?

Ника, сдавшись, положила тетрадку обратно в коробку с семейными реликвиями: старыми письмами, открытками, детскими рисунками.

До юбилея Алексея оставалось чуть больше месяца, но ему не суждено было дожить до него. Через несколько лет умерла и Аля, унося с собой тайну тетрадки.

С тех пор прошло уже десять лет. Ника поехала в командировку в Питер, где жили дети Али, ее двоюродный брат и сестры. Вспомнив о тетрадке, Ника решила, что им будет приятно иметь у себя рукописные записи матери, и отвезла тетрадку в Питер, оставив ее старшей сестре Ие, но предварительно перефотографировала каждую страницу.

Ника решила во что бы то ни стало прочесть написанное, исполнить волю тетки, которая очень трепетно относилась к семейной истории и хотела донести ее до всех членов семьи.

Вернувшись домой, Ника открыла фотографии в телефоне. Удивительно, но читать и расшифровывать почерк по фото оказалось намного легче. Фото можно было увеличить, рассмотреть каждую букву. Сначала с ленью, а потом с нарастающим интересом, она погружалась в мир старых рукописей тетки. Но некоторые снимки оказались сильно размытыми, и Ника попросила сестру прислать ей ненадолго тетрадь обратно. А главное, она поняла систему непонятной структуры записей, это была довольно интересная методика: тетка описывала родословную их семьи по матери и по отцу. Поэтому каждая нечетная страница касалась материнской линии, а четная — отцовской. Всю жизнь, со времен СССР, тетка писала запросы в архивы, в разные инстанции, по крупицам собирала информацию о происхождении рода. Многие она записала со слов своей бабушки, на многие запросы получила ответы из архивов страны, и постепенно складывалась вся мозаика семейного древа. Тогда она и прислала записи брату.

И вот нет уже ни Алексея, ни Алевтины. Но есть тетрадь памяти предков. И Ника начала ее изучать.

Тина, внимательно слушавшая, вдруг сказала:

— Так, бабуля, слишком длинная прелюдия. С этим все ясно. Ты давай переходи к сути дела. А то так заинтриговала меня о нашем происхождении, что я на репетиции уже себе такого навоображала: что я вам не абы что и не абы где, а настоящий потомок знатного княжеского рода, а там небось, как всегда, дырка от бублика. Давай, обнажай хотя бы тайны и роковую любовь!

— Абы что, абы где, — перекивила внучку Ника, — молодежный сленг? Заинтриговала тебя? Я думала, что происхождение, история семьи для тебя мало что значит. Вам же только тайны, интриги и роковую любовь подавай! Да ты сиди и слушай! Там интриги и страсти такие, что готовый сценарий для сериала, а то в вашем понимании предки наверняка уже старыми рождались? А любовь — это только для вас, нынешних.

Тина внимательно слушала рассказ Ники, и ее творческая натура представляла все услышанное настолько реально, как и говорила бабуля, почти как во время сеанса в кино.

Глава 1. Танец, подаривший судьбу

Тысяча восемьсот тридцать первый год. По тихой Варшавской улочке, аккуратно вымощенной серой брусчаткой, задумчиво и неторопливо шел молодой человек. Его лицо было омрачено хмурыми раздумьями: он — богатый наследник князя Стрельцова, к сожалению, был нелюбимым сыном своего отца. Все, что делал он в этой жизни, было обусловлено не душевными порывами, а единственным желанием — сделать все наперекор своему деспотическому отцу.

Поручик Новороссийского драгунского полка, Алексей Васильевич Стрельцов, молодой офицер, во время польской кампании был расквартирован в Варшаве. Его мятежная, всегда рвущаяся куда-то натура наконец устала от переизбытка событий и чувств и сейчас томилась от скуки: балы, охоты, карточные игры и бесшабашные увеселения сослуживцами — все давно приелось. Однообразие бытия угнетало молодого офицера. Для сослуживцев он был заводилой и весельчаком, для женщин — страстным и нежным героем их недолгих романов.

Но для своего отца, генерала в отставке, князя Василия Александровича, мечтающего о наследнике с железной хваткой, с отчаянной смелостью будущего полководца, он был вечным укором в его пристально смотрящих серых глазах.

Алексей в силу своей неугомонной, скорее даже бунтарской природы и дерзкого характера всячески противился воле отца и назло ему проводил все свободное время в тавернах, дуэлях и за карточным столом, наделав немало долгов. Отец очень огорчился, а иногда просто впадал в ярость, вытаскивая сына из очередной переделки. Последней каплей стала интрижка Алексея с женой сослуживца. Приложив немало усилий и подключив все свои связи, старый князь отправил Алексея в Варшаву, надеясь, что сын встанет на путь исправления, а скандал с дуэлью утихнет.

Но на чужбине Алексей мало изменил свое отношение к жизни и продолжал повесничать. Наконец прожигание жизни впустую утомило своим бессмыслием и его самого. Сегодня, будучи приглашенным на благотворительный вечер, он шел, не ожидая от предстоящего вечера ничего сколько-нибудь занимательного. Рассеянным взглядом он смотрел на осенние листья под ногами и уныло брел навстречу очередному вечеру, который он уже успел окрестить про себя «пустопорожним».

Осень в Варшаве особенно прекрасна, она окутывала город мягким, почти прозрачным покрывалом дымки, укрывала дорожки в парках пестрым ковром из разноцветных опавших листьев. Прохладный воздух, наконец избавившийся от знойной летней жары, стал пропитан терпким ароматом увядания, запахом опавших листьев и влажной земли. Но сегодня погода была хмурой и неприветливой. Осеннее солнце то пряталось за тяжелыми серыми тучами, то выглядывая в просветы между ними, покрывало своей позолотой почти голые деревья. Холодный порывистый ветер срывал с веток пожелтевшие листья, кружа их в последнем причудливом танце. Они падали, неспешно и неохотно расставаясь с родными ветвями, и, покругив на прощание, ложились на мокрую от недавнего дождя землю, плотно укрывая ее своим разноцветным покрывалом. Солнце еще не село, и уличные фонари бросали на землю очень слабый, тусклый желтоватый свет. Природа грустила по уходящему теплу и сбрасывала листья с деревьев в ожидании скорого прихода зимы. Но вдруг поднялся сильный порывистый ветер. Из тяжелых туч кое-где упали первые капли дождя.

Алексей поежился и поднял воротник повыше.

«Какая все же мерзкая погода в ноябре, — подумал он. — Так же противно, как у меня сейчас на душе».

Подойдя к роскошному особняку, из окон которого лилась музыка, а на мостовую падали отблески света чугунных фонарей, Алексей горько улыбнулся:

— Ну зачем я здесь? — устало вздохнул он, отдавая свое форменное пальто лакею, и прошел бальную залу, наполненную ароматами духов, шелестом шелковых платьев и волшебной музыкой вальса.

Войдя, он сразу оказался в центре внимания всех дам и девиц на выданье, которые при виде такого статного красавца, обмахиваясь веерами из страусиных перьев, стали перешептываться.

Польский шляхтич Тадеуш Моравецкий и его жена Ева давали благотворительный бал, на который съехались все сливки общества, самые знатные и богатые люди города. Здесь собирали средства для нуждающихся, чтобы потом на вырученные деньги купить для бедных еду и одежду. Это благородно и всегда вызывает уважение. Но ведь все присутствующие здесь прекрасно понимали и тайную подоплеку таких мероприятий. И она, увы, была очень банальной: богатые родители выводили в свет своих дочерей, их отцы заключали выгодные сделки, а мамыши, похожие на зорких соколов, высматривали добычу — потенциальных женихов для своих дочерей.

На балу звучала музыка, светились хрустальные люстры, освещая позолоту эполет офицеров. Юные девы задумчиво и томно опускали взор при встрече с их взглядами и питали надежду, что этот вечер непременно станет судьбоносным для них. Но взгляд Алексея смотрел на все с высочайшей долей цинизма человека, которого уже утомило женское внимание.

Он был высокий, статный, около двух метров ростом, с уверенной осанкой военного и элегантной походкой, которая почти никогда не была спешной. Стройная, немного худощавая фигура визуально делала его рост еще выше. Изысканные манеры, прохладные руки, с тонкими длинными пальцами, одетые в белые перчатки. Темные волосы, с легким оттенком спелого каштана, немного вытянутое, благородное лицо. Его глаза — серые, как хмурое осеннее небо, в которых отражались одновременно надменность и страсть, едва уловимая боль и внутренняя сила, бездна греховности и высота райского наслаждения, заставляющие замирать дамские сердца. Но они уже давно не блестели искорками озорной и бесшабашной молодости.

Став немного в стороне от вальсирующих пар, Алексей безо всякого любопытства наблюдал за происходящим вокруг и обводил безразличным взглядом всех присутствующих. Лица дам казались ему однообразными, а их разговоры — пустыми. Повидав и испытав многое, он уже внутренне был опустошен и ничего не ожидал ни от жизни, ни от этого бала.

Оркестр снова заиграл вальс. Бал, набирая силу, гремел музыкой оркестра, ослеплял блеском драгоценных ожерелий на тонких дамских шейках. В этот миг на Алексея с трепетом устремились взгляды молодых барышень, полные надежд.

Заметив это, он горько улыбнулся краешком губ.

«Глупые, наивные, полные иллюзорных надежд ветреные создания, скорее похожие на бледных фарфоровых кукол, чем на юных, полных жажды жизни и приключений румяных дев, — подумал он. — Вот женись на такой, а потом не будешь знать, о чем с ней говорить. Одни шпильки, шляпки да булавки на уме. Ну да, как же он про светские сплетни забыл? Как светское общество, вообще, может существовать без них? Боже, как это скучно все», — сделал вывод Алексей и вышел из бальной залы на балкон.

Солнце уже село, и небо, затянутое тяжелыми свинцовыми тучами, казалось почти нависшим над головой. В этот момент природа словно замерла в ожидании. Есть что-то завораживающее в смене дня и ночи. То, что каждый раз заставляло душу Алексея восхищаться мудростью, таинственностью, красотой и величием природы. Он наслаждался мгновением, когда последний солнечный луч прощается с уходящим в небытие днем. Алексей словно старался запомнить его тепло и свет, который, по воле Божьей, был послан всем людям, невзирая хорош ли человек или плох. Солнце дарило свое тепло, пробиваясь как в окна монастырских келий святых старцев, посвятивших свою жизнь служению добру и свету, так и в окно комнаты Алек-

сея, так бездумно прожигаящего свою жизнь, словно у него их несколько в запасе, а эта просто черновик.

Когда солнце село и наступили сумерки, то каждый предмет, каждая веточка, каждый опавший лист вдруг приобрел четкие, почти мистические очертания. Тени удлиннились, ложась на землю причудливыми рисунками, создавая игру света и тьмы. Иногда сквозь тучи проглядывала стыдливая луна, и тогда безжизненные голые деревья, укрытые лунным светом, казались ему причудливыми сказочными исполинами.

Глядя на это, Алексей вспомнил давние, почти забытые события.

«Как в детстве», — с горечью подумал Алексей, вспоминая, как он, маленький, бежал темной ночью, гонимый страхом от бушующего за окном урагана, в комнату к маменьке, чтобы крепко прижаться и найти защиту в теплых ласковых руках. Но тут же из ее объятий вырывал грозный окрик сурового отца, гнева которого он боялся больше буйства урагана.

Василий Александрович, после появления на свет семерых дочерей уже потерявший надежду на рождение наследника, поначалу был несказанно рад долгожданному сыну. А его жена, Глафира Алексеевна, вообще души не чаяла в своем сыночке. Родители мужа, бабка с дедом, баловали его вместе с маменькой. Отец мечтал о наследнике, который будет достоин доблести деда и его, Василия Александровича. Он приходил в отчаяние, видя, как его родители и жена портят мальчишку своими лобызаниями, проявляя излишнюю заботу, опекая и балуя сына.

Досада отца прошла после рождения второго сына Николая. Он сразу же переключился на него. Решил воспитывать сам, чтобы тот, не дай Бог, не вырос похожим на Алексея. Его усилия не прошли даром, и Николай вырос прямой противоположностью своему брату — хитрым, заискивающим и всегда ищущим одобрения отца, ради которого мог пойти на самые отвратительные поступки. Душа Василия Александровича ликовала: вот он, наследник, о котором он всегда мечтал. Отец махнул рукой на Алексея, всецело сосредоточившись на жизни и карьере младшего сына.

Алексей получил прекрасное образование, владел несколькими языками, любил путешествовать. Но, как бы там ни было, влияние отца в семье было велико, и по его настоянию Алексей поступил на военную службу. Он никогда не задумывался, а кем бы хотел быть? Его душа лежала и к искусствам, и к наукам. Возможно, он был бы хорошим клерком или даже консулом в департаменте дипломатической миссии. Ну, на крайний случай поверенным в делах, так как свободное владение несколькими языками позволяло. Но, по мнению отца, сын отставного генерала непременно должен быть только военным.

Службу Алексей нес ни шатко ни валко. Служил, валяя дурака и особенно не ратуя. В основном все победы одерживал на любовном фронте. Какой же невероятный успех у дам имел молодой офицер! Сослуживцы даже тайком завидовали ему. Но со временем Алексею наскучил этот непрекращающийся праздник жизни, и его, молодого, красивого, перестало радовать даже женское внимание.

«Как все однообразно, скучно и даже предсказуемо, однако», — думал Алексей и топил свою скуку в вине. Поначалу ему нравилось женское внимание. Однако после всплывшей его связи с женой одного из командиров разразился небывалый скандал. Обманутый муж вызвал его на дуэль. Но дуэли в то время не поощрялись. Более того, они наказывались. Чтобы избежать скандала, отец Алексея приложил невероятные усилия, чтобы отправить сына «в польскую кампанию».

Стоя здесь, на балконе, Алексей вдруг вспомнил свой отъезд из Москвы. На пороге родового имения отец, заложив руки за спину, назидательно произнес:

— Ну все, Алешка, допрыгался! Уезжаешь, да не с почестями, а почти бежишь, как разбойник какой. Смотри там, не балуй. Неси службу с честью, и не дай тебе Бог вляпаться еще хоть куда-нибудь. Пальцем не пошевелю. А если что опять вытворишь, то ты меня знаешь,

сам пришибу и глазом не моргну! И даже матушка тебе не поможет. Помни, кто ты есть и чей сын! Ступай с Богом, да блюди себя и честь нашу, — развернулся и тяжелыми шагами вошел в дом. И только теперь, после его ухода, бедная матушка, прижимая к груди свою кровинушку, обливаясь слезами, тайком сунула ему свернутую пачку денег.

— Сынок, здесь не так много, но тебе пригодится.

Перекрестив и трижды поцеловав своего мальчика, благословила и долго смотрела вслед отъезжающему экипажу, увозившего ее дитя в чужую, далекую страну. Алексей с грустью смотрел на худенькую фигурку своей матери, которая всем сердцем обнимала своего сына и готова была вынуть его из груди ради него.

Она стояла на пороге их дома в темно-зеленом бархатном платье, с изумрудным ожерельем и такими же сережками в ушах. Матушка надела самое красивое свое убранство, чтобы сын запомнил ее именно такой. Когда она одевалась, муж спросил:

— Куда вырядилась, Глафира? А главное, для кого? Твой сынок такого наворотил, что его в пору темной ночью отправлять, а ты вырываешься тут. Пожинай теперь плоды своего воспитания.

Матушка ни слова не сказала. Она все думала, даст ли Бог свидеться еще с сыном? Ведь все по земле ходят по Божьей воле. И неведомо простому смертному кому и сколько ходить суждено. Поэтому и надела все лучшее для сына. Чтобы запомнил мать не простоволосой, убитой горем разлуки, а красивой, нарядной и любящей женщиной, подарившей ему жизнь.

Алексей грустно вздохнул и теперь, стоя на балконе роскошного особняка, наблюдал, как лунный свет превращает голые осенние деревья в сказочных исполинов из детских воспоминаний. Прогнав неприятные мысли, он содрогнулся от холода и вернулся с балкона. Унылым взглядом он обвел бальную залу, и вдруг, словно удар молнии, там, среди наряженных в кринолины и шелка всех цветов радуги, он увидел темно-зеленое платье. Почти такое же, как было на его матушке в день отъезда. Не может быть! Он, как притягиваемый невидимым магнитом, шел на это темно-зеленое пятно, не замечая ничего вокруг, потеряв нити реальности происходящего. Словно замороженный, он пересек весь зал и на глазах изумленной публики, подойдя к девушке в зеленом, галантно поклонился и обратился к хозяину бала:

— Разрешите представиться — поручик Алексей Стрельцов. Могу ли я пригласить на танец вашу барышню?

— Тадеуш Моравецкий. Будем знакомы. Моя племянница Жозефина, — ответил он и, утвердительно кивнув Алексею, хитро подмигнул растерявшейся девушке.

Жозефина, слегка покраснев от смущения, приняла его предложение. Выбор русского офицера удивил всех присутствующих на балу дам. Это была польская панночка в скромном темно-зеленом платье, в ожерелье и серьгах с изумрудами. Не таких роскошных, как у матушки. Да и платье очень скромное. Но все же этот факт стал невероятным, поворотным моментом этого вечера! Толчком, заставившим его абсолютно пустое сердце вдруг заволноваться так, что кровь прихлынула к лицу и в висках сильно застучало!

Он не замечал, что панночка была некрасивая, угловатая, и уже не молоденькая. Барышня, в отличие от девиц на выданье, занявших первые места, старалась спрятаться за ними, быть незаметной, точнее просто не замеченной.

Жозефина была единственным и очень поздним ребенком своих родителей, Адама Велитович-Полонского и его жены Софьи. Престарелые родители, уже отчаявшиеся иметь ребенка, после рождения дочери, которое считали поистине чудом, безмерно обожали свое дитя. Они души не чаяли в своей умной доброй девочке. Дали ей хорошее образование и воспитание.

Это был знатный, когда-то очень богатый, но со временем обедневший дворянский род. Жозефина была племянницей Евы Моравецкой, и родители, которые по причине захворавшей матушки не смогли приехать на бал, отдали опеку над ней на целых три дня тетке Еве и дядюшке Тадеушу, которые с радостью всегда принимали у себя Жозефину. Их собственные

дети давно выросли и жили отдельно, в других городах, изредка приезжая и привозя внуков. Тадеуш и Ева искренне любили, но тайком жалели Жозефину. Умная и добрая девушка, увы, не была красавицей. Да и приданого за ней родители дать не могли. Поэтому очереди из женихов у нее не наблюдалось. Да и на бал ее кое-как уговорили пойти. Она чувствовала себя белой вороной среди напыщенных молодых людей и чванливых барышень в кринолине и кружевах. Пустоголовых, но очень богатых. Опыта общения с противоположным полом у нее не было. У Жозефины, кроме книг, вообще ничего и никого не было. Чтение заменило ей общение со сверстниками, открывало много интересного и неизведанного.

Алексей вальсировал под впечатлением нереальности происходящего. Он не видел девушки, перед его глазами стоял образ матушки. Он танцевал молча, не произнеся ни слова, что выглядело крайне удивительно, ведь во время танца было принято вести хотя бы какое-то подобие светской беседы, девушкам говорились легкие комплименты, уточнялись какие-то родственные связи или обсуждались события, в стиле: а вы слышали, что...

Словом, абсолютно ничего не значащая светская болтовня. После того как стихли последние звуки музыки, Алексей так же молча отвел девушку обратно. Когда вновь заиграла музыка, он, словно очнувшись и осмотревшись по сторонам, снова пригласил на танец Жозефину.

Его выбор еще больше удивил всех присутствующих на балу. Как? Он снова пригласил эту серую мышь? Алексей и сам себе удивился, ведь этот порыв был движимый скорее любопытством и желанием пойти наперекор всеобщему мнению и ожиданию, чем истинным желанием потанцевать, да и сам факт молчаливого предыдущего танца был ему неприятен и надо было исправлять свою оплошность. Сама Жозефина была удивлена не меньше.

«Он снова пригласил именно меня, когда вокруг столько красавиц?» — недоумевала девушка.

Собравшись с духом, слегка кивнув, она приняла руку Алексея, и он снова закружил ее в вихре вальса. Во время танца, словно сбросив пелену наваждения образа своей матушки, он уже обратил внимание на саму девушку и был приятно удивлен, как грациозно она вальсирует, как прямо и непринужденно держит спину.

Пристально посмотрев на опустившую глаза Жозефину, горько усмехнулся про себя.

«Да уж, не красавица. И сама ведь все понимает. Она смирилась со своим положением и даже не надеется ни на какие подарки судьбы».

Чтобы исправить невежливую ситуацию со своим молчанием во время предыдущего танца, Алексей заговорил о том, о чем всегда начинают разговор незнакомые люди, то есть о погоде.

Жозефина что-то коротко ответила, но потом тихо, словно преодолевая нерешительность, вдруг спросила, читал ли он последнее произведение мадам де Сталь?

Алексей очень удивился вопросу и честно признался, что не читал. Он, конечно, слышал от своих друзей обсуждения этого нашумевшего романа, в котором автор, кроме любовной линии и приключений, вдруг затронула очень острые для общества темы философии, мировоззрения, патриотизма.

Его друзья обсуждали роман де Сталь, оголтело отстаивая каждый свою точку зрения: возможно ли, в принципе, равенство мужчин и женщин? Долг перед Отечеством священен, обязателен или каждый выбирает сам? Как сделать общество более ответственным, а человека более сознательным?

Но Алексей в таких перепалках редко участвовал, так как вопросам философии и мировоззрения он предпочитал карточный стол, за которым офицеры в основном бахвалились победами, исключительно на любовном фронте. Иногда он почитывал статьи в газетах, даже яростно отстаивал свою позицию по некоторым вопросам. Однако эти споры были, скорее, забавы ради. Поэтому молодой человек был очень удивлен, что девушка увлекается работами в области философии.

Алексей попросил барышню рассказать немного, что именно заинтересовало ее в работах де Сталь, и Жозефина увлеченно заговорила о глубоком смысле, заложенном в романе, о борьбе добра и зла, о долге перед обществом. Молодой офицер был поражен и даже сбит с толку рассуждениями новой знакомой. Музыка стихла, но он не готов был отпустить эту удивительную барышню.

На следующий танец он снова ангажировал Жозефину. Слушая ее мелодичный голос, он всматривался в лицо барышни, совсем недавно казавшееся ему бледным и невыразительным. В его глазах облик панночки вдруг преобразился, и он заметил, что на щеках заиграл румянец, а глаза чайного цвета заблестели маленькими золотыми искрами.

— Вы любите литературу? — спросил Алексей, искренне заинтересовавшись.

— Да. Я считаю, что в книгах можно найти смысл всего и получить ответы на вопросы. Вы знаете, я всегда мечтала о том, чтобы делать что-то значимое, — произнесла она и вдруг очень смутилась, сомневаясь, что Алексею это вообще интересно.

Но офицер выглядел заинтересованным, и девушка решила продолжить, рискуя, что после услышанного она станет неинтересна этому красавцу.

— Каждый из нас может внести свой вклад в общество. Думаю, что красота заключается в том, как мы относимся к другим, в том, что мы делаем для мира.

Изначально, слушая Жозефину, у Алексея промелькнула циничная мыслишка, что такой некрасивой барышне, наверное, пристало думать только о высоком, как то служение обществу, коль уж других, более явных внешних преимуществ у нее нет. Но он тут же отогнал эту мысль, целиком сосредоточившись на собеседнице, и, к своему удивлению, слушал ее с неподдельным интересом, не веря своим ушам, что барышня может вести разговоры на такие серьезные темы. Не с каждым мужчиной возможно затронуть столь серьезные вопросы. А тут барышня! Потрясающе!

На каждый следующий танец он вновь и вновь ангажировал Жозефину. Сказать, что своим выбором он раз за разом производил сильное впечатление, — не сказать ничего. Сначала это было непонимание, затем удивление, а теперь вызвало просто шок. Сама того не желая, Жозефина вдруг привлекла внимание абсолютно всех. Ее это не то чтобы смутило, а просто испугало! Она не привыкла ко всеобщему вниманию. Но Алексея ситуация нисколько не смущала. Ему была интересна новая знакомая, и он продолжал с ней знакомиться ближе:

— А что еще вы любите читать, Жозефина?

Он уже понимал, что перед ним не обычная молодая девица, а нечто большее, что заинтериговало такого повесу, как он. Он имеет дело с интересной и глубокой личностью и уже предполагал, что услышит ответ не совсем ординарный, но все же был сражен наповал.

— Мне нравится философия, просвещение. Люблю читать труды о безграничных и далеко не изученных возможностях разума, о равенстве, о свободе выбора каждого человека. Ну, согласитесь, что в этом есть не просто здравый смысл, но и масса возможностей для самосовершенствования.

— Вот, например, Вольтер, — продолжала Жозефина с запалом. — Философ хотел, чтобы все люди были свободны, вне зависимости от их расы и веры. Или Жан-Жак Руссо, пишущий свои труды против порабощения, делая акцент на том, что все люди свободны по своей природе изначально. Так, как были созданы и задуманы Богом.

Удивлению Алексея не было предела! Таких барышень ему встречать не приходилось. Да и среди друзей офицеров тоже таких не водилось. Только его верный друг, молодой князь Андрей Вяземский, мог бы посоревноваться с ней в эрудиции. Но ведь он мужчина! А тут барышня! Невероятно просто.

— Жозефина, честно признаюсь, мне удивительно слышать ваши слова. Они на глазах меняют мое восприятие женского начала. Честно признаюсь, я не предполагал, что беседа с барышней возможна в таком ключе.

Алексей был заинтригован, он предложил ей выйти на балкон и продолжить разговор там. Он был приятно удивлен познаниями барышни в разных областях. Жозефина оказалась необычайно занимательной собеседницей. А главное, она достойно дискутировала, очень тонко иронизировала и произвела впечатление приятного собеседника. Неожиданно для себя Алексей понял то, что касается долга, чести и служения обществу. Его отец пытался донести до него столько лет, а эта хрупкая барышня простыми и искренними словами смогла затронуть струны его очерствевшей души, которые отозвались в нем истинным пониманием человеческого достоинства, и, к своему удивлению, он осознал, насколько бессмысленной и пустой была его жизнь в погоне за развлечениями и удовольствием.

В этот момент барышня стала для него почти красавицей, поразившей красотой ума и души.

После бала Алексей спросил у пана Моравецкого разрешения посетить Жозефину еще раз, пока она в гостях, но Жозефина пригласила его в ближайшее воскресенье, после мессы в костеле, ведь она была верующей католичкой, к себе в гости. Алексей, не раздумывая, согласился. Он возвращался с бала в необычайно приподнятом настроении.

— Какой необычный вечер, — размышлял он, — а ведь изначально не сулил ничего интересного.

В голове молодого человека роились доселе неизведанные для него мысли и чувства: ну ведь можно жить не просто ярко, красиво, в свое удовольствие и при этом достаточно бессмысленно, а можно по-другому — с честью и достоинством.

С нетерпением ожидая воскресенья, он пришел в дом Велитовичей-Полонских. Это был некогда большой и богатый особняк. Но сейчас от былой роскоши мало что осталось. Род Жозефины обеднел, и дела пришли в упадок. В большой гостиной, по случаю прихода гостя, был растоплен камин. Обычно родители экономили на чем могли. Но сейчас в комнате было тепло и уютно. Камин потрескивал, поднимая вверх золотые искорки и освещая комнату теплым светом огня. Книги, аккуратно расставленные по своей тематике на полках, говорили о любви к литературе, к знаниям. Вот так, желая испытать что-то новое и неизвестное, совсем неожиданно для себя Алексей сменил свою разгульную жизнь на вечера у камина в доме Жозефины, читая и обсуждая вместе книги, открывая для себя новый и неизведанный мир, полный смысла и доброты.

Он восхищался мудростью и добротой барышни. Ему все больше нравился ее залиvistый смех, искорки в глазах. И, незаметно для себя, он влюбился в эту застенчивую, угловатую и некрасивую барышню, которая учила видеть этот жестокий мир в другом свете.

«А ведь скоро всему этому придет конец», — с горечью думал Алексей.

Ему предстояло вернуться в Москву. Недавно он получил письмо от маменьки, где сообщалось о воле отца, нашедшего ему достойную партию для женитьбы. Это дочь генерала в отставке, старого друга семьи. Маменька писала, что барышня молода, хороша собой, богата. Отец ее занимает высокое положение в обществе, и женитьба, по мнению отца, заставит Алексея взяться за ум и остепениться. Размышляя об этом, Алексей пришел в ужас от предстоящей женитьбы. В его голове опять зрел протест. Почему отец должен решать, с кем сын проведет остаток дней?

Теперь Алексей, еще совсем недавно уставший от женского внимания, неистово хотел любить и быть любимым по-настоящему. Он, заскорuzлый уже в своих чувствах, недавно пробудился и хотел испытывать не физическую близость, а страсть и нежность, бурю эмоций и взаимность чувств.

«Ну почему же мне так не повезло и я не повстречал Жозефину раньше? — с горечью думал он. — Теперь я всегда буду сравнивать всех женщин с ней. Если я женюсь по настоянию отца, неужели это заставит меня остепениться? Он и правда так думает или это просто его желание снова заставить меня делать то, что хочет он? А мои чувства? Ведь я мог быть счаст-

лив, а вместо этого до конца дней своих буду слушать пустую болтовню жены», — думал он и мрачнел с каждой минутой. С таким паршивым настроением он пришел в дом Жозефины.

Она сразу почувствовала перемену настроения Алексея.

— У вас что-то случилось, Алекс? — спросила она, с тревогой взглядываясь в его мрачное, темнее тучи, лицо.

Алексей выглядел задумчивым, даже растерянным. Он не знал, как сказать Жозефине о письме матери. Нерадужная перспектива женитьбы удручала его, рисуя в воображении самые мрачные картины семейной жизни с нелюбимой. Но вдруг в его голове молнией пронеслась крамольная мысль:

А что, если...

У него даже ладони вспотели. По привычке, как в детстве, взъерошив копну волос на своей голове, он подумал: а что, если я женюсь на Жозефине?

«Как мне раньше не приходило это в голову? — лихорадочно работала его мысль, давая слабую надежду. — Ну не убьет же он нас, в конце концов?»

Отец ведь и сам, по рассказам матери, женился на ней вопреки воле своих родителей, нашедших ему подходящую партию и даже сговорившихся уже о свадьбе. Василий Александрович тайно обвенчался и привез домой молодую жену. Сначала был скандал невиданной силы. Но дело было сделано. Вскоре у молодых должен был родиться ребенок, и родители смягчились. После того как они познакомились ближе с Глашей, доброй, обаятельной, да ко всему прочему, что играло значимую роль, из уважаемой и состоятельной семьи, они всецело приняли ее. Но большую роль сыграл тот факт, что необузданный и суровый нрав их сына могла обуздать только она. Непонятно как, но только рядом с ней твердое, как камень, сердце их сына становилось мягче воска. С ней он из воинствующего полководца превращался в нежного, иногда даже робкого простого парня, готового подчиниться самому тихому ее слову и выполнить абсолютно любую просьбу. Глаша была ангелом-хранителем своего сына Алексея, и только она имела право защищать его перед мужем. Теперь Алексей надеялся на поддержку бабки с дедом. А уж в поддержке любящей маменьки он даже не сомневался.

Эта крамольная мысль «а что, если» заставила Алексея внутренне напрячься, представляя реакцию отца. Самое серьезное препятствие было одно — Жозефина была католичкой. Ну, то, что она бесприданница, было не так важно, ведь семья Алексея была достаточно состоятельной. Взвесив все доводы, он все же считал, что гнев отца лучше унылых будней с нелюбимой женой. Он встал, подошел к камину и протянул руки к огню. Долго стоял и молчал. Жозефина с тревогой смотрела на него, не зная, что и подумать. Лицо Алексея после долгого, напряженного молчания вдруг стало спокойным. В глазах заблестели искорки былого мальчишеского озорства. Он принял решение, самое важное в своей жизни решение!

Уверенным шагом он подошел к родителям Жозефины и попросил руки их дочери. Мать с отцом переглянулись, ведь надежда выдать дочь замуж таяла с каждым годом, но принуждать свое дитя они никогда не посмели бы. Слишком любили.

— Если на этот брак будет согласие нашей дочери, то с нашей стороны будет только поддержка и одобрение.

Алексей смотрел на смущенную девушку, понимая, что он ей тоже не безразличен и, взяв в свои крепкие руки маленькие ладошки Жозефины, заглянул в ее янтарные глаза:

— Я прошу стать моей женой, — он еще крепче сжал ее руки в своих ладонях, — я обещаю, что сделаю все, чтобы вы были счастливы. Вы согласны?

В этот момент Жозефине показалось, что земля уходит у нее из-под ног. Ей не послышалось? Она и мечтать не смела о таком. Поверить в происходящее было немыслимо! Как так случилось, что он, молодой, богатый, красивый офицер, предлагает ей, некрасивой, бедной, да еще на целых четыре года старше, свою руку?

Ее сердце так сильно стучало, что, казалось, это было слышно во всем доме. Родители стояли, словно окаменев, не смея даже голос подать. Они были обескуражены не меньше дочери.

— Ну, что вы решили, Жозефина? — спросил Алексей. — Я жду вашего ответа.

Ему и самому вдруг передалось всеобщее волнение, и его голос слегка дрожал.

Девушка подняла на него свои лучистые глаза и прошептала:

— Я согласна.

Глава 2. Роковые узы: когда любовь становится преступлением

«Надо немедленно все рассказать Вяземскому», — подумал Алексей и, не чуя ног, полетел к давнему другу.

Встретившись с Андреем Вяземским, Алексей сбивчиво, прыгая с одного на другое, эмоционально размахивая руками, что несвойственно его манере общения, рассказывал другу, как молодая польская панночка буквально сразила его наповал.

— Подумай, Андрюха, да ведь она просто перевернула мой мир, — горячо продолжал он.

— Ну что же молчишь, друг? Шафером на свадьбе будешь? Я сегодня сделал ей предложение, и скоро состоится свадьба.

Андрей Вяземский молча, не перебивая, слушал друга. Затем, после бурной речи Алексея, задал один вопрос:

— Алешка, ну я ведь тебя как облупленного знаю — мятежная и быстро увлекающаяся натура, — вот подумай и сам ответь, как надолго тебя хватит? Сколько времени пройдет, чтобы тебе надоело вести философские беседы с женой и опять потянуло к привычной бесшабашной жизни? Подумай и ответь себе сам: это увлечение или любовь?

Алексей стал опять горячо убеждать Вяземского, что все, что он сейчас испытывает, — это навсегда! Что ничего подобного к женщинам он раньше не чувствовал! Только физическое влечение было, а сейчас совсем другое!

Андрей дружески обнял и тихо сказал:

— Дай Бог! Время расставит все по своим местам. Если это любовь, я рад за тебя! Счастья тебе, друг.

Алексей удовлетворенно выдохнул: ну, раз Вяземский одобрил, быть добру! К его мнению Алексей прислушивался всегда.

Андрей Вяземский был лучшим другом Алексея. Веселый, добрый, с открытым сердцем, молодой офицер сразу нашел родственную душу в лице молодого князя Стрельцова, с которым познакомился на военной службе.

Всякий раз, когда Алексей бурно и горячо сетовал другу на своего отца, при этом постоянно демонстрировал свою безграничную любовь к матери, Андрей молча слушал, и на его лице появлялась маска душевной боли. Однажды, когда их полк отрабатывал в поле учебные стрельбы, поздним вечером, сидя у костра, любуясь тлеющими угольками, Алексей прямо спросил друга:

— Ты никогда не рассказывал о своих родителях, всячески избегая этой темы. Почему так болезненно воспринимаешь мои слова об отце и маменьке? Ведь у тебя добрый и любящий отец. Про мать не знаю. Но реагируешь ты, брат, так, словно что-то тебя гложет. Расскажи, если считаешь возможным. Если нет, то закроем эту тему навсегда и, клянусь, больше никогда ее поднимать не будем.

Лицо Андрея омрачилось печалью, и он начал рассказывать историю своего рождения.

— Знаешь, Алешка, я ведь бастард! Мне тяжело об этом говорить, но, слушай, раз уж подняли эту тему.

— Ба, а что такое бастард? — перебила рассказ Тина.

— Это незаконнорожденный ребенок.

— А в чем проблема? — удивилась внучка.

— В нынешнее время никакой проблемы. А вот в те далекие времена это был сущий ад для матери, родившей ребенка вне брака. И главное, что общество не порицало отца, а все невзгоды терпела женщина.

— Да кому какое дело? Бред какой! Она что, помощи просила или поддержки? Родила и родила. Не выбросила, не утопила, как котенка. А растит, любит. Жестокое, однако, время было. Ну давай, рассказывай уже! Подозреваю, что там все очень запутано и печально.

— Ты права. История и вправду очень грустная, — сказала бабуля.

Молодой князь Кирилл Вяземский, получивший в дар от своего отца усадьбу в деревне, впервые после долгого перерыва приехал осмотреть свои владения. Дом был основательным и большим. Перед домом разбит газон с цветами, а позади — старый сад, в котором так любил гулять в детстве Кирилл. Он обошел дом и удовлетворенно вздохнув, вспомнил, что недалеко была речка, решил пройтись и окупаться в этот невыносимо жаркий летний день.

Кирилл шел по знакомой с детства тропинке, с удивлением отмечая про себя, что поистине говорят, словно деревья в детстве кажутся большими. Летний полдень выдался особенно знойным. На небе, заслоняя собой солнце, появились зловещие черные тучи. По тропинке, ведущей к реке, торопливо бежал молодой мужчина — высокий, статный, полный надежд и сил. Кирилл был одет в обычную белую рубаху из тонкого полотна, которая просто прилипла к коже от невыносимой духоты. Через плечо было переброшено полотенце. Загорелое лицо, высокие скулы. Пожалуй, он был красавец. Глаза молодого барина были зеленые, как молодая листва, и светились добротой и искренним интересом к окружающей его природе. Он так радовался всему увиденному, вспоминая и сравнивая тот же пейзаж, который он наблюдал здесь в детстве, и в его глазах плясали озорные искорки. Ему нравилось абсолютно все! Он был счастлив и полон сил. Жизнь только начинается и впереди столько всего прекрасного, интересного, нового.

На бегу от ветра у него развивались светлые волосы, похожие на цвет зрелой пшеницы. Некоторые слегка вились, а несколько непослушных прядей выбились и падали на глаза, делая его похожим на обычного деревенского мальчишку. Во всех повадках молодого барина не было ни тени высокомерия, только искренний интерес и восхищение. Взглянув на небо, которое становилось все темнее и зловещей, Кирилл подумал: «Будет гроза, возможно, с градом, уж больно тяжелые тучи», — и побежал по тропинке еще быстрее, чтобы успеть искупаться и вернуться домой до нее.

Как же было приятно окунуться в прохладную воду после раскаленного солнцем воздуха. Тело словно растворилось в этой живительной влаге и наполнилось необычайной легкостью. Но сгустившиеся черные тучи, словно одеялом окутали небо и напомнили Кириллу, что задерживаться более не нужно. Он несколько раз нырнул, нехотя выбрался на берег, откидывая мокрые пряди волос со лба, и залюбовался представшей перед ним картиной.

Перед грозой природа будто замерла. Казалось, что ничего не сможет нарушить ее покой и равновесие.

«Удивительно, какая гармония царит вокруг», — не успел подумать Кирилл, как камыши мгновенно, словно по мановению волшебной палочки, почти легли от порыва ураганного ветра, налетевшего внезапно, почти ниоткуда. В этот момент началось настоящее светопреобразование: мощные стволы деревьев дрожали и гнулись, как и тонкие стебли камышей, почти до земли. Завораживающее зрелище! Крупные капли дождя начали падать с неба, которое казалось налитым тяжелым свинцом. Внезапно днем стало темно, как ночью, и ливень пошел такой силы, что не видно было на вытянутую руку. Как ни странно, в такую жару ливень был не приятно прохладным, а почти ледяным. Раскаты грома оглушали, и ураган вошел в полную силу своего буйства. Это было прекрасно и страшно одновременно! Дух захватывало, когда Кирилл наблюдал всю красоту и мощь силы природы. Летящая с небес вода не просто лилась, она была похожа на водопад, который обрушился на Кирилла с такой силой, что, казалось, вода хотела смыть его с лица земли. Это был поистине потрясающий своей мощью момент, когда природа вдруг перестала быть окружавшим его фоном, а, проявив всю свою силу необузданной мощи, стала главным событием! Природа стала живым организмом, проявляющим свой

гнев. Молнии рассекали небо раскаленными стрелами, а раскаты грома были похожи на звон небесного колокола, без умолку звонившего в набат, словно предупреждая Кирилла о грядущей неминуемой беде. Сердце молодого барина учащенно билось, и его стук, сливаясь с бесконечными раскатами грома, заполнил собой все.

Кирилл, промокший за считанные минуты до нитки, увидев старый рыбацкий шалаш, вход в который почти зарос высокой травой и у порога которого кучно скопились опавшие листья, сорванные ураганым ветром, не задумываясь, нырнул в него. Шалаш из сложенных кое-как веток, переплетенных тонкими ивовыми прутьями, которые образовывали неровные стены, стоял на пологом берегу реки. Сверху сквозь дыры кое-где проглядывало небо, которое вот-вот рухнет на голову под тяжестью свинцовых туч. Пожухлая листва, когда-то укрывавшая крышу, теперь клочьями свисала по краям, еле держась от внезапных порывов ветра. В некоторых местах ветви и вовсе разошлись, и в этих прорехах виднелись огромные клочья паутины, сплетенной трудолюбивыми пауками.

«Как здесь сыро и неуютно», — подумал Кирилл и ясно почувствовал запах прелой листвы и речной сырости. Такой запах был в погребе, когда он каждый раз увязывался идти вместе с кухаркой Марфой за соленьями и овощами. Там было темно, страшно, холодно и сыро. Кирилл сейчас ощутил все то же самое.

Этот шалаш стоял здесь уже много лет, пережив не одну весну и осень. Он видел, как менялась река от бурного весеннего половодья до спокойного летнего журчания, как мальчишки, ловившие рыбу с берега, росли и превращались в юношей. Стоял как молчаливый свидетель прошедших лет и хранил в своих ветхих стенах множество историй и тайн, одной из которых и станет тайна Кирилла и Вари.

Ветхое укрытие, в котором спрятался Кирилл, приняло на себя весь удар стихии. Откуда-то сверху полились холодные струйки проливного дождя.

«Ну, это лучше, чем ничего», — подумал молодой барин, осматриваясь в темноте. Вдруг его глаза встретились с еще одной, круглой от страха, парой глаз.

Кирилл присмотрелся. Это была молодая девушка, почти девчонка, промокшая и дрожащая как осиновый лист.

— Ты кто? — спросил Кирилл. — Как тебя зовут?

— Я — Варя, — еле слышно произнесла девушка. Но в этот момент раскат грома был такой силы, что заглушил ее ответ.

— Как зовут тебя, повтори, я не расслышал, — сказал Кирилл.

— Варя, — повторила она. И опять новый раскат грома заглушил ее ответ.

Он все равно не расслышал, но сказал:

— А меня Кирилл, — и опять раскат грома, не давший расслышать его имя уже девушке.

Они оба засмеялись.

Он — глухим, немного хрипловатым смехом. А она — звонким, заливистым, как будто вдалеке колокольчик зазвенел.

— Так льет, как перед концом света, — сказал Кирилл.

— Скоро закончится. Такой дождь не бывает долгим, — со знанием дела ответила Варя.

Из-за сильного ветра, шума дождя и непрекращающихся раскатов грома им приходилось почти кричать. Некоторое время они стояли молча, любуясь буйством природы.

Их укрытие было так себе, почти ничего. Не спасало ни от дождя, ни от ветра, но все же они были в относительной безопасности.

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Засияло солнце, ветер стих, и природа наслаждалась умиротворением и наступившем покоем. Кирилл и Варя вышли из своего убежища. Они были промокшими и дрожали от холода. Теперь барин смог рассмотреть девушку: темные брови, изящно изогнутые над огромными карими глазами, в которых плясали озорные искорки, длинные черные волосы, заплетенные в тугую косу, которые были настоящей

гордостью Вари. Оказалось, что у девушки очень веселый и открытый характер, поэтому, рассказывая Кириллу свою историю, ее голос звучал мелодично, а звонкий смех, разносившийся по всей округе, вызывал ответную улыбку Кирилла.

«Наверняка у нее много трудностей в жизни, но она не унывает», — глядя на девушку, думал Кирилл.

— Ну что, красавица, теперь давай знакомиться по-настоящему, меня зовут Кирилл.

— Варя, — ответила девушка, и они опять засмеялись, вспоминая сцену знакомства в шалаше.

— Ты что здесь делала? — спросил Кирилл.

— Молоко приносила в панский дом. Да вот гроза застала, и я в шалаше спряталась. Говорят, что паныч должен приехать. Там, в панском доме, такое творится: бегают все, как угорелые, готовятся, парят, жарят — в общем, суеются очень.

— А-а-а-а, так они у тебя молоко покупают? — спросил Кирилл.

— Да нет. У них молоко свое, да вот только там тако-о-о-ое приключилось, — сказала она и опять заливисто засмеялась.

Сам не зная почему, засмеялся и Кирилл. Видать, смех у нее был очень заразительный.

— Так что там случилось-то, расскажи, коли уже начала? — попросил он.

— Там... там... — Варя продолжалась смеяться и слова сказать не могла.

Кирилл смотрел на хохочущую девочку и всюду смеялся вместе с ней, не зная даже причины. Наконец она немного успокоилась и начала рассказывать.

Подготовка к приезду паныча была в полном разгаре. Все бегали, суетились: кто красил, кто жарил, кто дорожки подметал. Кухарка, готовившая еду для молодого барина, которого все деревенские называли панычом, решила сделать для него острую брынзу, которую он любил, с пряностями и маслинами. Она всегда говорила, что у паныча вкус особенный, не как у наших простолюдинов деревенских, а изысканный. Паныч не только в Москве живет, но и в самом Париже бывал. Там, видать, вкус себе и изыскал особенный какой-то.

— Это как? — спросил с интересом Кирилл.

— Сие мне неведомо. Но говорят, что вкус какой-то не такой, не совсем нормальный, то ли неправильный какой. Вот если взять какую гадость, ну там сыр пропал, плесенью покрывся, смердит на всю округу. У нас такой сразу выбросят, а он, говорят, ест! Да еще и хвалит! Ну, или маслины. Тоже ведь диковинка. А он без них не может. Ну вот, маслины эти для него заблаговременно заказали и накануне привезли из города.

Кухарка Марфа для брынзы собрала утром самое жирное молоко и велела своей помощнице, мелкой девчонке, которая была у нее на подхвате, вынести его на улицу и поставить на солнце немного скиснуть. Сама же занялась приготовлением разных приправ: молола перец горошком, петрушку резала. Маслины в этот раз оказались сильно мелкими, но какие были.

— А зачем в брынзу маслины? Новый рецепт какой-то? — не унимался Кирилл.

— Да почему мне знать? Говорит же кухарка, вкус у барина какой-то не такой, как у всех. Видать, для него обычная брынза-то простовата, так вот маслины, видать, и нужны для усиления вкуса. Они хоть и мелкие, но дорогу-у-ущие, — протяжно сказала Варя, — а гадкие же какие, точно испортились сильно.

— А ты откуда знаешь? — спросил Кирилл Варю.

— Так я же одну, всего одну штучку, тайком попробовала, — тихо, по секрету, прошептала девушка.

— И как? Не понравилась? — тоже шепотом спросил Кирилл.

— Фу-у-у-у-у-у! — передернула плечами Варя. — Прямо ком горлу подошел, пока проглотила.

— Так зачем ты ее глотала, если невкусно? Взяла бы да выбросила.

— Так ведь она ж какая дорогая, разве можно? — искренне удивилась девушка. — Пока проглотила, то чуть не удавилась.

Ее ответ вызвал улыбку на лице Кирилла.

— Ну а дальше-то что было? — спросил он.

— А дальше... — она опять рассмеялась. — Дальше кухарка послала девчонку посмотреть, достаточно ли скисло молоко. Та и пошла на улицу. В это время коза Нюрка начала есть цветы с клумбы, которую Прошка только-только пограбил.

— Что сделал? — Кирилл уже хохотал.

— Ну, граблями пограбил. Для красоты, чтобы паньчу смотреть приятно было. Так вот, эту шелудивую козу с клумбы Прошка как погнал по двору, а сам споткнулся и как грохнется! Господи, как он сильно упал, — весь лоб счесал, пока летел! А коза отбежала немного и остановилась. Смотрит Прошке в глаза, да как заблеет, точно смеется. Тогда Прошка схватил грабли да как запустил в нее. Коза от страха забежала за угол и притаилась, душа в пятки ушла. А дальше-то хода больше нет! — Варя смешно развела руками. — В этом закоулке и спряталась. Испугалась бедолага сильно, знает ведь, Прошка, если найдет, то, как пить дать, убьет! Он-то у нас бешеный, если что не по его, так не приведи Боже, — перекрестилась Варя. — Ну так получилось, что забежала Нюрка за угол, стоит и трясется со страху, а сзади нее, как назло, и стояло то ведро с молоком для брынзы. Когда из-за угла выскочил Прошка с грязной и разбитой мордой да в придачу с граблями в руках, она с перепугу в это ведро горошка-то своего и навалила, — Варя от смеха глотала по полслова. — Прошка, ясное дело, барской козе ничего не сделал, взял за рога, да и поволок в сарай. Пришла девчонка, помощница кухарки, проверить молоко, и глядь, молоко скисло, а на поверхности маслины плавают. Мелкие, черненькие, кругленькие. Она огляделась, не видит ли кто, возьми одну, да и попробуй ту маслину, — хохотала Варя, изображая гримасу ужаса девчонки. — Положила одну в рот, а это... Это... — далее были только обрывки слов, так как Варя хохотала до таких пор, что даже слезы выступили, но продолжала дальше. — Она это молоко быстро вылила, а сама ко мне тайком побежала. Моя бабуля так смеялась, когда девчонка с выгаращенными глазами рассказывала эту историю. — И вдруг Варя прикрыла рот руками и начала тихо и страшным голосом говорить: — А вот, упаси Бог, если бы паньч попробовал таку-у-у-ую дико-о-овинку, — и тут же снова перешла на веселый смех, — так у него бы глаза круглыми сами стали, как те козы шарики, да повылазили бы от удовольствия и такого изысканного вкуса, небось понравилось бы, да еще и расхваливал бы: вот, дескать, такие блюда у Париже за граница кушает, не то что у нас, в Москве, — закончила она, давась смехом.

— А если бы ты уже молоко продала и больше не было? Что девчонка бы говорила кухарке, куда молоко делось? — хохотал вместе с девушкой барин.

— Знамо дело, — важно сказала Варя, — сказала бы, что коза копытом ведро с молоком перевернула. А иначе бы несдобровать ей! Это ж надо, молоко для паньча перевернуть, шутка ли! Наказали бы, будь здоров как! — Варя покачала сочувственно головой.

— А что, паньч тот такой уже и страшный, — хохотал вместе с девушкой Кирилл.

— Да кто ж его знает. Я его отродясь не видала, он все в Москве. А когда тут жил, то я еще малехонькой была, — сказала она, вытирая слезы.

Кирилл в жизни еще так не смеялся! Немного успокоившись, Варя продолжила.

— И вот прибежала к нам девчонка, мы и продали ей наше молоко. Ну, а я пошла с ней, чтобы забрать бидон. А тут дождь. Я и спряталась в шалаше. А тут ты, как вскочил в шалаш, так у меня аж сердце в пятки ушло. Мало, что ли, лиходеев по округе шастает? — рассуждала Варя. — А ты как тут оказался? На речку, что ль, купаться шастал? Вона и полотенешка на тебе висит. Да и не видала я тебя раньше. Не из нашей деревни точно. Городской, что ли, будешь? Погостить приехал али как?

— А я и есть тот барчук, которому коза своим горохом хотела вкус усилить, чтобы уж наверняка у меня глаза от такого удовольствия вылезли, — сказал Кирилл и захохотал.

В отличие от него, Варя молчала и смотрела опять круглыми, как тогда, в шалаше, глазами.

— Ты и есть тот паныч? — охнула она и, прижав к себе пустой бидон, отступила немного назад.

— Тот самый, — сказал Кирилл и улыбнулся девушке.

В отличие от широко улыбающегося и довольного молодого барина, девушка дрожала как осиноый лист и стала белее снега.

— Простите, барин! Не признала вас, — тихо пролепетала она и неумело поклонилась.

— Да за что же тебя прощать? Как бы ты меня признала, коли никогда не видела? — удивился Кирилл и с сожалением заметил, что девчонка была настолько перепуганной, что у нее на белом, как полотно, лице, остались только огромные глаза.

— Не сердчайте шибко, — прошептала Варя и опустила глаза.

— Да не сержусь я, а наоборот, очень рад, что встретил тебя, — улыбнулся барин. — Ты боишься меня, раз так дрожишь? Или я страшный такой, как злой и кровожадный волк и съем тебя? — он смешно щелкнул зубами, и Варя улыбнулась.

— Не, не страшный. Совсем наоборот, у вас глаза добрые, — смущение девушки выступило ярким румянцем на ее щеках, и Кирилл невольно залюбовался ею. Заметив пристальный, но добродушный взгляд молодого барина, Варя совсем растерялась.

— Мне надо бежать, — засуетилась девчонка.

Увидев, что девушка собирается убежать, Кирилл заволновался и робко спросил:

— Приходи завтра сюда, на это же место. Придешь? Не бойся. Так придешь?

— Барин, не сердчайте, я завтра корову на пастбище погоню, на дальнейшее поле, а потом траву косить буду, чтобы заготовливать ей на зиму, — отвечала тихо Варя.

— А ты косить-то умеешь? — скептически поинтересовался Кирилл.

Варя округлила глаза: а что там уметь-то? Не больно мудреное это дело. Любой малец после семи годков сможет.

— Ну, так после покоса, приходи сюда, — с просьбой посмотрел в ее глаза молодой барин. Уж очень ему хотелось еще раз увидеться с такой веселой и задорной девушкой.

— Приду, коли прикажете, — тихо ответила Варя.

— Я приказывать тебе не смею. Я прошу тебя, Варя. Придешь?

— Приду, барин, — и, схватив свой бидон, девушка ловко побежала по дорожке, сверкая босыми ногами.

«Хорошая девчонка, искренняя и красавица знатная», — подумал про себя Кирилл и, подхватив полотенце, побежал по тропинке к своей усадьбе.

Влетев на кухню, как ураган, он подхватил старенькую кухарку Марфу, колдовавшую над обедом, и чмокнул в щеку. К старушке-кухарке у молодого барина было особое, очень трепетное отношение. Она его с малых лет знала да нянькам помогала растить малыша.

— А что, Марфуша, обед-то у тебя готов? Есть хочу, просто умираю, — Кирилл принялся поднимать все крышки на котелках и кастрюлях.

— Батюшки святы, — хлопала глазами Марфа, — где ж ты так успел аппетит-то нагулять? Небось, в городе-то ребенка не кормили? Не тронь ничего грязными руками, — шутливо замахнулась она кухонным полотенцем.

— Ты же знаешь, Марфуша, твою еду я всегда уплетаю за обе щеки. Я с детства помню, что еда вкуснее, когда грязными руками да прямо со сковородки!

— Мало я, видать, тебя гамселила по ручонкам-то, раз так и не вдолбила в твою белобрысую макитру, — она шутливо ткнула пальцем в лоб молодого барина, — что нельзя хватать грязными руками и совать в рот!

— А не ты ли мне отвечала, когда я делал тебе замечание, что поднимать и есть с пола упавший хлеб нельзя? Ты же, Марфуша, говорила: все полезно, что в рот полезло!

— Да то ж хлеб! Как Бог поругаем не бывает, так и хлеб никогда грязным не бывает, хоть с полу, хоть с земли. Запомни!

— Никто на свете не готовит лучше, чем ты! — благодарно прижался к ней Кирилл и, неожиданно схватил с тарелки только что приготовленную и нарезанную брынзу с маслинами. Запихнув в рот большой кусок, он сначала медленно начал жевать, а потом, распробовав, быстро проглотил. Марфа стояла и удовлетворенно наблюдала.

— Ну как, понравилась моя брынза? — предвкушая ответ, спросила ничего не подозревающая Марфа.

Но вместо того, чтобы рассыпаться в похвалах, Кирилл вдруг спросил ее:

— Марфуша, посмотри-ка, а что с моими глазами?

Совсем не поняв вопроса, Марфа была в недоумении:

— А что с ними может быть? Глаза как глаза.

— Обычные? Не повылазили, случайно? — спросил таинственным шепотом Кирилл и, как мог, выпучил и округлил глаза.

— Да Бог с тобой, Кирюша! Сидят на лбу, на своем месте, — Марфа уже начала подозревать недоброе. — Отчего бы это им повылазить вдруг? — спросила она и грозно подбоченилась.

— От удовольствия, Марфуша, от истинного удовольствия, которое испытал мой изысканный вкус, — весело отвечал барин.

— Кирюша, ты меня знаешь! Я ведь не посмотрю, что ты здоровый лоб, да как перетяну сейчас полотенцем по барским-то плечам! Ишь ты, шельмец! Над кем измываться вздумал? На кого глаза вылупляешь? Кому свои козьи морды корчишь, паршивец ты этакий? — лютовала Марфа. После слов про козьи морды Кирилл зашелся в приступе дикого хохота. Марфа в шутку замахнулась полотенцем. А ведь могла и треснуть барчука!

В доме Вяземских только ей разрешено было рукоприкладствовать по отношению к маленькому Кириллу. Ну, рукоприкладством считалось, когда Марфа могла тряпкой по рукам треснуть, когда мальчишка залетал, как ветер, к ней на кухню и грязными руками таскал пирожки с тарелки.

Марфа имела тайную власть над этим ребенком. Он ее всегда безоговорочно слушался. Только Марфа могла успокоить орущего маленького паныча. Услышав его плач, достигающий вселенской силы, она бросала свою стряпню и неслась к ребенку. Брала его на руки, уносила его то в сад, показывая цветы и рассказывая всякие интересности, то на кухню несла, где для него всегда хранила припрятанные сладости. Сказку расскажет, песенку споет. Ребенок у нее на руках тотчас затихал. Но сейчас Кирилл никак не мог уговориться и, хитро прищурился, продолжал:

— Марфуша, а где, собственно, наша коза? Что она, вообще, ест целыми днями? Не голодает ли?

— Да на кой черт она тебе сдалась? Кирюша, ты, небось, перегрелся-то на речке. Пойди к себе в комнату, отдохни, книжку какую почитай, — беспокоилась Марфа.

— Так что, ты говоришь, коза у вас тут ест? — продолжал сбивать старушку с толку Кирилл.

— Да то же самое, что и у всех: траву разную, листья капустные; не морочь мне голову, — отвечала Марфа.

— Тогда нарви мне капустных листьев, а я пойду ее покормлю, — возбужденно радостным голосом тараторил Кирилл.

Марфа посмотрела ему в глаза и строгим, не подлежащим возражению голосом пригрозила:

— Кирюша, иди-ка ты... отдыхать! Видать, все же перегрелся. Если до утра не пройдет, я за лекарем пошлю, так и знай. Ишь ты, чего удумал! Козу ему подавай!

Кирилл в ответ послал ей воздушный поцелуй и, набрав гору капустных листьев, умчался кормить козу.

Весь вечер он вспоминал Варю и ждал новой встречи с ней. Как давно он не встречал человека, с которым было бы так легко и просто.

Кириллу было сложно найти себе достойного собеседника, так как все высшее общество он считал чванливым и скучным, и оно не вызывало уважения. Он пытался на эти темы разговаривать с отцом, но тот отвечал, что сын с жиру бесится, но все это со временем у него пройдет. Друзья без зазрения совести проматывали состояния, нажитые родителями. А Кирилл был другой. Он ощущал в себе одиночество непонятого человека, считая себя чужим в окружающем мире, где никто его не понимал. Молодой барин искал собственный путь вопреки общепринятым правилам.

Для него кухарка Марфа с самого раннего детства была не прислугой, а доброй тетушкой, мазавшей сбитые коленки соком подорожника, качающей на руках плачущего Кирюшку и всегда дающей ему леденец. Вот и сейчас, приехав через много лет, он обнял дорогую сердцу старушку Марфу. А она и вправду была добрейшей души человеком, не имеющая своей семьи, она любила маленького барчука как родное дитя. Да и кухаркой была тоже знатной! Он опять улыбнулся, вспомнив про козьи шарики.

Кирилл всегда, как мог, защищал прислугу, крестьянских детей, озорничавших вместе с ним, но наказанию почему-то подлежали только они. Он, дворянин по рождению, представитель знатного рода, образованный человек, получивший лучшее воспитание от любящих родителей, знавший этикет и имевший манеры, отточенные до совершенства, никогда не ставил себя выше другого человека. Люди для него делились на две группы: интересные, добропорядочные и все остальные. Кирилл с нетерпением ждал завтрашнего дня, чтобы еще раз встретиться с Варей.

Поднявшись утром ни свет ни заря, Кирилл прибежал на кухню к готовившей завтрак Марфе:

— Марфуша, а у нас коса есть? — с налета хватая первый пожаренный пирожок с картошкой и жуя на бегу, спросил Кирилл.

— Какая коса? — не поняла она и в тот же миг огрела тряпкой по рукам, схватившим пирожок.

— Которой траву косят, — Кирилл обиженно положил надкушенный пирожок обратно на тарелку.

— А зачем она тебе сдалась? Поди в сарае стоит, — ответила Марфа и подозрительно посмотрела на барина. — Кирюша, да на кой ляд она тебе?

— Пойду и накошу нам травы на дальнем поле, — спокойно отвечал Кирилл.

Марфа аж рот раскрыла.

— Батюшки, ты, видать, таки вчера перегрелся. А может, ударился обо что да не говоришь? Родители приедут, что я им скажу? — запричитала она.

— Марфуша, я скоро! — Кирилл опять схватил надкушенный пирожок и убежал в сарай искать косу.

Прибежав на поле, он увидел Варю. Одетая в простой холщовый сарафан, перевязав волосы алой лентой, она была восхитительна!

«Какая же она красавица», — глядя на нее тайком, любовался молодой барин. Затем, помахав ей рукой, он демонстративно, со знанием дела взял косу и, став рядом с девушкой, замахнулся посильнее и... полностью вогнал ее в землю! Как же Варя хохотала!

— Простите, барин. Да кто ж так косит? Косу надо держать вот так, а так, как вы держите, трава будет ложиться под косой, будто вы расчесывать ее будете, а не косить.

С трудом вытянув застрявшую в земле косу, Кирилл внимательно следил и повторял все движения Вари. К обеду стало получаться. На его плечах аж рубаша взмокла.

— Оказывается, это целая наука! А если со стороны смотреть, то кажется все очень просто — маши себе косой в разные стороны и всех делов-то! — удивлялся паньч.

— Вы же не Митька-болванчик, научитесь! — назидательно сказала Варя, но тут же спохватилась: — Не сердчайте шибко, барин, не умею я с паньчами говорить. Я все больше по-нашему, по-деревенски.

— А мне все нравится: и как ты говоришь, и как смеешься, и как ты траву косишь, — сказал Кирилл и улыбнулся. — А кто такой Митька болванчик?

— Да это наш деревенский дурачок. Говорят, что он таким уродился. Здоровенный, силы немерено, как говорят, густо, а в голове пусто. Но он очень добрый! Коли помощь нужна, то он завсегда. А так целыми днями с мальчишками бегают, собак дразнит да голубей гоняет. Но его никто не обижает. Все жалеют. Мать у него старенькая. Все помогают, кто чем может. А умрет она? Что тогда с Митькой будет? Но люди у нас добрые, не оставят, — успокоила Варя непонятно кого, то ли себя, то ли барина. Девушка немного смутилась от своей чрезмерной говорливости.

— Как же я проголодался! Волка бы съел, — мечтательно проговорил Кирилл.

— Не волка, а корову, — сказала девушка, затем достала крынку молока и два больших ломтя хлеба. Посмотрев на молоко, оба засмеялись, вспомнив вчерашнее приключение.

— Надеюсь, молоко обычное, не козье, без усиления вкуса? — шутливо спросил он девушку.

— Пейте и не бойтесь. У нас и козы-то дома нет, только старенькая корова, но очень дойная, — с гордостью произнесла Варя.

А Кирилл подумал: «Интересно, а у нас коровы очень дойные или не очень? Надо у Марфы спросить будет», — и принялся пить молоко.

Если честно, то Кирилл в жизни еще не ел ничего вкуснее этого черного хлеба с молоком.

Они сидели на свежескошенной траве и говорили. Обо всем на свете. У Кирилла на душе была такая легкость, словно он знал Варю много лет. Он рассказывал, где бывал, какие книги читал. Она слушала и плела веночек из полевых цветов, которые яркими островками были разбросаны среди луговых трав.

— А хочешь, я тебя читать научу? — неожиданно спросил молодой барин.

— А давайте я вас сначала веночек научу плести, добро? — лукаво прищурила глаза Варя.

— Научи, авось пригодится, и мне на старости лет будет, чем руки занять. Буду сидеть на крылечке и вместо того, чтобы ворчать на внуков, научу их плести веночки, — широко улыбнулся барин.

Варя брала цветок, его длинным стеблем оплетала предыдущий и так получалась длинная витая цепочка. Затем она соединила два конца и связала их вместе тонким пучком травинок. Кирилл сосредоточенно наблюдал и запоминал весь процесс плетения.

— Готово, — сказала девушка и надела веночек на голову.

— Лесная фея! — восторженно произнес Кирилл, засмущав девушку. — Ну теперь давай я буду создавать свой шедевр.

Он старательно выполнял все команды, но непослушные пальцы кочевряжились, и вместо венка получилась длинная плетень, с торчащими в разные стороны цветами. Он неумело связал травинками оба конца и, надев себе на голову эту пародию, развел руками:

— Руки мои крюки!

Варя улыбнулась:

— Дело-то житейское! До внуков обязательно научитесь, барин.

— Ну все, ты уже вдоволь поизмывалась надо мной, а теперь моя очередь.

Кирилл подошел к краю поля, там, где начиналась грунтовая дорога. Притоптал землю ногами, взял палку и стал чертить буквы на земле. Во время этого черчения его лицо было сосредоточенным, на лбу пролегла морщинка, так как он поднял вверх брови, губы беззвучно что-то шептали. Варя посмотрела на него и подумала: «Чисто деревенский мальчишка! Но такой вежливый и глаза добрые-добрые!»

Наконец он выровнялся во весь рост и победоносно произнес:

— Сударыня, добро пожаловать в мир неизведанного и прекрасного! Вот эти крючочки называются «буквы». А если сложить эти крючочки вместе, то получаются слова. Но для этого надо выучить весь алфавит. Я написал его от начала и до конца. Теперь смотри на каждую букву и запоминай, — сказал он и начал палкой, словно указкой, показывать на каждую букву, называя ее: — Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть... — и тут он увидел, как Варя смотрит на него и, вместо того чтобы учить буквы, просто стоит улыбается. — Так дело не пойдет. Ты на указку смотри, а не на меня, а то так ничего не выучишь! Это только поначалу страшно. Аз, буки...

Варя рассмеялась и, взяв из его рук палку, тыкала в нарисованное и проговаривала:

— Аз, буки, веди, глаголь, добро, есть...

Кирилл стоял просто ошарашенный: это как так?

— Барин, да я умею, немного, — удивила его ответом девушка. И предугадав его вопрос, начала рассказывать.

— Прошлым летом попадья попросила ребенка понянчить. Заболела она, совсем слегла, а ребенок такой капризный, зубки лезут. Своим криком батюшку вконец извел: ему службу править, а он стоя спит. Ну а мне в радость было батюшке помочь, больно хорошие они с матушкой. Я целый месяц и провозилась с малышом, травку заваривала то матушке, то ребенку, а коли надо, так и еды состряпаю. Я умею! Батюшка наш и говорит, что, мол, благодарен, картошки дал, матушка муки отсыпала, а когда в город ездила, то леденцов да лент разных мне привезла потом. И вот как-то, читает батюшка Святое Писание, а я картошку чищу, а потом возьми, да и скажи, что сколько ума-то надо, чтобы букочки все выучить, а потом все вместе в слова складывать. Батюшка посмотрел на меня и сказал, что невелика премудрость, а я смышленная, сдюжу. Вот и принялся меня азбуке учить да читать. Вот так я и выучилась. Правда, трудно это все, но я стараюсь.

— Ну, не труднее, чем косою орудовать, — буркнул недовольно Кирилл, сетуя, что не получилось девчонку удивить своей ученостью. Варя потом много чего нового и интересного рассказывала про жизнь крестьянскую. Кирилл слушал ее и понимал, что ему хочется проводить с ней все больше времени.

Веселая, добродушная и доверчивая Варя рассказывала то смешные, то жизненные, порой очень сложные и грустные истории из тяжелого крестьянского быта. Но ни разу не пожаловалась на судьбу. С ней было просто. И на душе у молодого барина была необычайная легкость.

— Ой, барин, солнце садится, бежать нужно.

— Куда так торопишься? Посиди еще чуток, — уговаривал Кирилл.

— Барин, у меня дома бабушка старенькая. Она хворает, да и сил мало у нее уже. Никогда не просит помочь. Все старается сама делать. А я ведь гляжу, как тяжело ей, вот и помогаю. Поэтому не могу, барин, просто так сидеть здесь. Домой бежать надо. Коли позволите, — добавила она тихо.

— Варя, а что это ты мне все барин да барин. Я же сказал, зови меня просто Кирилл.

— Как можно? — удивилась девушка. — Управляющий или, не приведи Бог, приказчик узнает, да и накажет за дерзость. Не просите, барин. Не стану я вас по имени называть. Ни к чему это.

— Так при людях называй барин, а когда мы одни, то по имени. Ну, а если не сделаешь, как велю, то я сам накажу тебя, пользуясь своим положением. Я же барин, как ни как.

У Вари округлились глаза, а Кирилл продолжал:

— Вот скажи, что ты больше всего есть не любишь?

— Я все люблю! Было бы что есть, — искренне и честно призналась девушка.

— Ну, может, фрукты какие не любишь или кашу? — не унимался молодой барин.

— Да Господь с вами, барин! Я люблю и фрукты, и кашу!

И тут Кирилл загадочно улыбнулся:

— А я знаю! Ты маслины не любишь, верно?

— Да, барин, гадкая штука. И как только природа могла сотворить такое?

— Так вот, Варюха-горюха, если еще раз, коли рядом никого не будет, а ты станешь величать меня барином, то я закажу в городе целую кадущку маслин и заставлю тебя есть в наказание, — довольный своей идеей смотрел он на девушку и улыбался.

Варя притворно вздохнула, передернула плечами, вспоминая ужасный вкус маслин, но тут же нашлась:

— Ну что ж, барин, коли прикажете, то буду есть, так только ж с такими тратами и в долговую яму немудрено попасть будет! И стану я для вас причиной разорения и мытарств. А оно вам надо?

Кирилл восхищенно смотрел на девушку — надо же, остроумная какая! — а вслух сказал:

— Ты не Варюха-горюха! Ты Варюха-хитрюга! — и вместе рассмеялись.

Они начали встречаться каждый вечер, то на дальнем поле, то у кухарки Марфы, которая жила рядом с Варей, возле самого леса, то на берегу реки, в старом ветхом шалаше, в котором две одинокие души были счастливы. Они прятались ото всех и оберегали свое неожиданное счастье. Их никто не видел вместе. А Марфа только качала головой и выговаривала:

— Кирюша, оставь ты девчонку в покое. Сам ведь все понимаешь. Не твоего поля ягодка. А девчонка хорошая. Сирота. Жаль ее. Глупая, доверчивая. Только бабка на этом свете и есть у нее.

Варя росла без матери. Ее воспитывала бабушка. Даже прабабушка, так как она была бабкой ее матери. Девчонка часто спрашивала бабку Килину про свою мать. Акулина Егоровна, которую все деревенские звали просто бабка Килина, прятала слезящиеся глаза и махала рукой, чтобы внучка отстала. Варя знала очень мало. Ее мать, красавица Яринка, оставив своей бабке Варю, поехала на заработки. Вроде как ее наняли на уборочную страду. Страда закончилась, а Яринка так и не вернулась. Бабка Килина у кого только могла узнавала. То ей рассказывали, что нашли утопленницу в том селе, то в лесу убитую, ограбленную девушку. В общем, толком никто ничего не знал. Хлебнуть им на своем веку пришлось столько, что не дай Бог никому. Как можно сироту обидеть?

— Марфуша, да почему я должен ее обижать? Я люблю ее! Я так люблю, что и слов не найду, чтоб рассказать. А ягодка — это ты верно сказала! Нежная, сладкая, любимая, — вспоминая бурные ночи, отвечал он.

— Что родители-то твои скажут, коли прознают?

— А как прознают, ежели никто ничего и никогда не видел? Только ты. А если ты не скажешь, то и не прознают! Не скажешь ведь? — заглядывая в глаза старушке, говорил Кирилл и бежал к своей ягодке. Так пролетело лето, и уже осень подходила к концу.

— Марфуша, а можно мы у тебя в сарае посидим с Варюхой? На улице такой холод собачий! — просил молодой барин свою кухарку, которая жила рядом с Варей, да и дом ее был на околице деревни, возле самого леса, вдалеке от людских глаз.

— Да знаю я эти ваши посиделки. Ох, Кирилл, смотри не натвори делов, не заваривай кашу, которую не расхлебаешь, — увещевала Марфа.

А он, счастливый, на крыльях любви летел то в рыбацкий шалаш на берегу реки, то в старый сарай, где пахло сеном, сухофруктами и травами, сушеными грибами, нанизанными на нитку, которые свисали гроздьями с перекладин. Это был не сарай для них, а райская хижина, где поселилась любовь, в результате которой вскоре должен был родиться новый человек, плод запретной любви Кирилл и Вари.

Кирилл, узнав о том, что должен родиться ребенок, искренне обрадовался:

— Варюшка, ягодка моя! Теперь я, — он деланно насупил брови и понизил голос, — как ответственный и порядочный человек, должен на тебе жениться и с радостью это сделаю. Варечка, выходи за меня замуж!

Варя, которая накануне не знала, что вообще делать и как жить дальше, теперь просто парила над землей.

— Слава Богу, я, грешным делом, боялась, что оставишь меня. Теперь можно будет и бабке сказать, кто отец. А то она, как приступила с расспросами: скажи да скажи, кто отец ребенка, — а я так и не призналась.

— Пока не говори, ягодка. Потерпи немного. Я вот в город поеду на неделе. Отец письмо прислал. Что-то важное у него там случилось. Помочь просит. Рассказать хочет лично, а не письмом сообщить, так как дело серьезное. Вот я там и расскажу родителям, подготовлю, так сказать, почву. Затем приеду вместе с ними и, как полагается, буду у твоей бабки руки просить. Свататься приду, Варюха! Не говори пока.

— Не буду, Кирюша. Да только боязно мне.

— Чего боишься? Думаю, что мои родители полютуют малость, да согласятся. Я же у них один наследник-то! Хоть и шалопай, да любят они меня. Поймут, надеюсь. А когда малыш-то должен появиться на свет?

— Через два месяца, коли на то Божья воля будет.

— Ух ты! А чего же ты до сих пор молчала? Это ж сколько времени знала и ни словом не обмолвилась! Поди ж ты, а я, форменный дурак, как мог не заметить? — оглядывая девушку, неожиданно обратил внимание на округлившийся животик.

— Да я уж постаралась, чтобы никто не заметил. Осень холодная какая. Я всего на себя натяну побольше и ничего не видно. А тут колола дрова, да не как раньше в поленницу охапкой брала да складывала, а понемногу брала и носила. Тут бабка и заподозрила неладное, тотчас пристала с расспросами, да я не сказала. Она только головой покачала да глаза от слез платочком вытерла.

— Варюша, подожди немного. Из города приеду, и как положено все сделаем. Ух ты! Я отцом буду!

— Кирилл, мне все время кажется, что это сон и не со мной происходит все. Вот, как подумаю, я сирота, без роду, без племени. А ты — сын барина. Разве пара я тебе?

— Варюша, что с того, сын барина или конюх? Какая разница, коли я люблю тебя!

Варюша счастливо улыбалась и прижималась к Кириллу. Через пару дней молодой барин помчался в город. Дома бабка Килина снова приступала с расспросами к внучке:

— Ягодка моя, уж мне-то открыться можешь, кто отец ребенка? Да я уже всяко передумала, да ведь и ума не приложу? Таились вы знатно! Даже в голову не приходит. Скажи мне, кто же он будет такой?

Варя прижималась к старушке и счастливо щебетала:

— Бабуля, милая, я обещала, что не скажу, значит, сдержу слово. А он обещал, что из города приедет и свататься придет!

— Да кто же это? Городской какой, что ли?

— Сама увидишь скоро! Он такой, каких не сыскать вовек, сказал подождать немного. Недолго осталось.

— Да уж скорее бы! — сокрушалась бабка. — А то уж и ребеночек скоро родится.

Прошло уже две недели, а от Кирилла весточки даже не было! Стали одолевать Варю сомнения, да она гнала их прочь — не может Кирилл обмануть ее! Не такой он человек. Да и любит ее сильно. А может, не приведи Бог, что случилось? Или захворал? Нет, не надо придумывать. Надо просто подождать.

И она дождалась. Новостей, которые, как известно, доносятся быстро, если они плохие. Но эта новость была не плохая, а убийственная — молодой барин в городе женится! Свадьба будет уже скоро. Варя узнала новость от Марфы, которая вызвала ее из дома во двор.

— Варюша, даже не знаю, как и сказать, ты присядь, милая. Вот из города весточку нынче прислали. Говорят, что Кирюшка-то наш жениться будет!

Варя улыбнулась и взяла старушку за руки:

— Марфуша! Я так счастлива, что и сказать не могу!

— Бог с тобой, милая, с чего бы это тебе счастливой-то быть! — тревожилась кухарка, переживая, не приключилось ли чего с девкой от таких новостей? Не повредила ли умом?

— Марфуша, видать, уговорил он родителей-то. Вот они и дали добро на свадьбу!

— Очнись, девка! На другой он женится! На городской! Дочь отцовского друга. Молодая да богатая. Там приданого столько за ней, что нам вовек и не снилось!

Варя слушала голос Марфы, ставший вдруг каким-то глухим, с эхом, доносившимся будто из-под земли, и наконец поняла смысл сказанного. Ее ноги стали ватными, в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли желтые круги. Она упала, и, прибежавшая на крик Марфы бабка, вынуждена была кликать повитуху. У Вари начались преждевременные роды. Мальчик, несмотря на то что родился раньше положенного срока, оказался просто богатырем — очень сильным, голосистым, жилистым. Даже повитуха удивилась. А уж она-то на своем веку скольких младенцев повидала, не счесть. Ворвавшись в этот мир, он пронзительно кричал, а не тихо плакал, сжимал крохотные пальчики в кулачки, словно уже знал, что в этой жизни ему придется бороться за право быть!

Варя, взяв сына на руки и поцеловав в белобрысую, как у Кирилла макушку, тихонько прошептала:

— Я хочу назвать его Андреем.

А про себя подумала: «Не приехал! И не приедет. Не нужны мы ему. Женится и заживет счастливо, даже не вспоминая о ней. Не могло все быть так хорошо у нее. Он — барин, а она — сирота безродная. Все стало на свои места».

Повитуха забрала малыша и дала поспать измученной родами молодой маме.

Месяц назад, когда родители Кирилла, узнав новость о связи сына с крестьянской девушкой, а главное, о последствиях этой связи, были в смятении и ужасе одновременно. Что теперь скажут в обществе? Как можно погасить скандал и свести к минимуму удар по репутации семьи? А главное, семья была на грани разорения, и отец приложил столько усилий, чтобы сговориться со своим старым другом о свадьбе их детей. Ведь спасти от неминуемого краха может только женитьба сына на состоятельной невесте, которая, хоть и была хороша собой, да кривая — упала в детстве с лошади и повредила ногу, да так сильно, что хромала. С годами хромота становилась все больше, и за глаза в высшем свете ее прозвали «кривобокая».

Замуж никто не звал, и девица стала слишком нервная и злая. Она, понимая свою дальнейшую участь старой девы, просто бесновалась от бессилия что-либо исправить. А тут такой шанс выпал!

Чтобы спасти семью Вяземских от разорения и устроить жизнь озлобленной на весь мир дочери, родители и договорились о свадьбе. Кирилла вызвали в Москву, в имение его родителей по надуманной причине. А он сразу примчался, надеясь на то, что разговор будет тяжелым, но в итоге родители, видя безграничную любовь их единственного сына, все же благословят на брак.

Как только он переступил порог, родители сами завели разговор. Им доложил их управляющий, который, видя странные исчезновения Кирилла, после неудачных и многократных попыток выследить его все же достиг желаемого. Несколько месяцев он следил, чтобы убедиться, что это не блажь молодого барина, а что-то намного серьезнее, и помчался с докладом к родителям. После некоторых раздумий родители вызвали сына в Москву и начали нелегкий разговор. Кирилл не узнавал в этих трясущихся от злости людях своих родителей. Они всегда были добрыми, улыбчивыми. Его любили до безумия. Да и крестьян не шибко обижали. Теперь они были похожи на бесноватых, не иначе!

Мать подошла к Кириллу и строго произнесла:

— А знаешь ли, сын, мы больше не можем молчать об этой ситуации. Ты, дворянин, и крестьянская девка — немыслимо!

— Мама, прошу вас, откуда вам это известно? — изумленно воскликнул Кирилл.

— Замолчи! Какая теперь разница! Сорока на хвосте принесла. Чтобы ситуация не зашла далеко, отец решил тебя женить, — продолжала мать, стараясь отсрочить разговор о неминуемом банкротстве семьи.

— Ситуация уже зашла слишком далеко, — взволнованно сказал Кирилл, — у нас будет ребенок.

Мать с отцом на некоторое время просто оторопели от такой новости: если родится незаконнорожденный ребенок, это будет скандал! Мать первая вышла из оцепенения:

— Ребенка нужно вытравить, пока это возможно!

— Это уже невозможно, ребенок родится через два месяца, — у Кирилла просто волосы дыбом встали: матушка предлагает избавиться от ребенка, от своей же плоти и крови — это немыслимо!

— Как? — вопила мать в отчаянии, но тут же нашлась. — Значит, найдем кормилицу и отдадим в хорошую семью.

Молодой барин изумленно посмотрел и произнес:

— Вы себя слышите, матушка? Отдать моего ребенка чужим людям? Вы же сама женщина, мать! Как такое могло прийти в голову?

— Я своего ребенка не в бурьянах зачала, а в законном браке! Не смей даже сравнивать!

Но отец грозным голосом перебил ее и обратился к сыну:

— Натворил делов, так теперь лучше сядь и слушай! Мы нашли для тебя достойную партию. Дочь моего старого друга, прекрасная девушка с безупречной репутацией, с приличным приданым. Ты женишься на ней немедленно!

Кирилл в отчаянии покачал головой:

— Что значит — женишься? Я не могу! Я не хочу и не буду этого делать! Зачем нам ее приданое?

Его мать уже не скрывала своего раздражения и, перейдя с повышенного тона на исступленный крик, требовала:

— Приданое зачем? Это единственный способ избежать скандала и спасти честь семьи, чтобы избежать банкротства. Ты обязан! Ты слышишь, просто обязан!

— Какое банкротство? Какая честь? При чем тут мой ребенок? Это ли не бесчестие, бросить своего ребенка и его мать, которую я люблю? — Кирилл был поражен таким гневом родителей, которые никогда не позволяли даже голос повысить на него.

— Да как ты смеешь! Любит он, видите ли! Поразвлекался и будет! Ребенок от крестьянки не должен быть на глазах всего общества. Мы договоримся о кормилице и о приемной семье. Как только он родится, его отдадут в хорошие руки. А девчонке твоей денег дадим, и пусть катится ко всем чертям! — грозился отец.

— Да ты пойми наконец, что мы заботимся о будущем и о репутации всей нашей семьи, которую именно ты поставил под удар! Твой долг — продолжить династию законнорожден-

ными наследниками. Вместо этого ты просто уничтожаешь все на корню! — орал доведенный до отчаяния отец Кирилла.

Мать вплотную подошла к сыну и вцепилась в его рубаху. В этот момент она была похожа на умалишенную:

— Ты не только хочешь погубить свою жизнь. Ты погубишь всех нас! У нас дом заложен уже! Мы с котомками по миру скоро пойдем! А ты тут со своей любовью! Отец уже должен столько, что если ты не женишься, то нас ждет долговая яма!

— Так вот оно что? Честь семьи под угрозой не столько из-за меня, сколько из-за разорения! Как такое вообще случилось и почему я не знал? — Кирилл был просто ошарашен новостью о семейном банкротстве.

— Мы оберегали тебя и предпринимали попытки все разрешить миром. Однако кредиторы не дают более отсрочки. Уже и судебный пристав приходил. Какая любовь? Семью спасти нужно! Мы тебе отдали всю свою жизнь! Теперь пришло твое время отдавать долг. Если ты его не исполнишь, то погубишь всех нас. Иначе, что нас ждет? Острог? Бесчестие?

— Да скажите же, ради Бога, что случилось? Не могло ведь все рухнуть в одночасье?

— Все произошло, когда одновременно совпали засуха и неурожай, воровство приказчиков и управляющего, причем небывалое воровство, расходы на содержание усадьбы и имения, с крестьян из-за неурожая было невозможно взыскать оброк. Отец занял денег у ростовщиков, но не смог вовремя расплатиться. Проценты росли. Тогда он занял еще денег и вложил в какие-то рудники. Но прогорел. Его партнеры и вовсе обанкротились. Надежда только на тебя и на твою женитьбу. Отец невесты — давний друг нашей семьи. Он даст большое приданое за дочь. Нас это спасет и позволит исправить положение дел, избежав позора.

— Какой ценой? Ценой моего счастья и жизни моего ребенка? Я для вас вроде выгодного товара? — не унимался Кирилл.

— Да что ты его уговариваешь? Вот что, уясни себе, сын, что это не просьба. Это приказ! Свадьба состоится через месяц. Честь семьи превыше всего! — крикнул отец, с резким стуком поставил на стол коробочку с обручальным кольцом и вышел вон.

Молодой барин остался один, сжимая в руке обручальное кольцо, которое ему предстояло надеть на палец незнакомой девушки, чтобы скрыть свои, как сказал отец, ошибки прошлого и спасти от банкротства семью. Так вот почему приказчик следил за ним и Варей, чтобы выслужиться перед барином, свалив большую часть вины за воровство на управляющего, тем самым показывая свою преданность хозяину.

Кирилл был душевно надломлен и испытывал угнетенное состояние: вся его искренняя любовь к Варе была против общественных условностей, которые были чужды ему. Однако, несмотря на то что внебрачные дети отцов-господ и простых крестьянок были не редкостью, все же общество не принимало тех, кто отважился бы взять в жены крестьянскую девушку. Таких случаев были единицы. Желание быть с любимой против давления сословных предрасудков терзали душу Кирилла. Да еще и эта новость про неминуемое банкротство просто убивала его. Что делать: послушаться отца и обречь семью на позор и разорение или все же решительно идти по намеченному пути и вопреки всему жениться на своей любимой?

Он снова попытался объяснить с родителями, но они были непреклонны: свадьба или позор и разорение. Назад, в деревню, его непустили, и старый князь в срочном порядке женил сына на богатой невесте, тем самым избежав неминуемого финансового краха.

А там, в деревне, страдала та, которую он так любил и все же предал. Вопреки разуму, ее душа снова ждала его и искала оправдание! Она мечтала, что Кирилл обязательно приедет к ней, обнимет и улыбнется той искренней и душевной улыбкой, покоровившей ее маленькое неразумное сердечко.

А Кирилла изнутри пожирало чувство своей несостоятельности и, как он честно признался себе, трусости и подлости. Сразу после вынужденной женитьбы он стал раздраженным,

грубым. Его душа была просто раздираема между сердцем и разумом, между любовью и долгом перед семьей.

Марфа искренне сочувствовала им, и если бы не верила в искренние намерения молодого барина, так нежно и трепетно любившего девчонку, то она никогда бы не покрывала их. Под предлогом поездки за продуктами в город она и привезла Кириллу новость о рождении сына. Кирилл был вне себя от радости и горя одновременно. Что он наделал? Он выполнил свой сыновний долг, но обрек своего собственного сына. Как теперь жить с этим? Он трус и предатель, противный самому себе! Его сердце, еще недавно полное счастья и любви к своей красавице, теперь словно раскололось надвое.

Узнав новость о рождении ребенка, Кирилл, оставив дом, жену и нарушив приказ отца, помчался в деревню. Узнав об этом, отец тотчас ринулся вслед за ним.

Найдя сына в имении, отец уговорил его на следующий день вместе пойти к Варе, чтобы Кирилл мог немного успокоиться и хотя бы взглянуть на сына. Молодой барин осунулся и побледнел, а в его волосах показались первые седые пряди.

Вместе с отцом они отправились в старенький, давно покосившийся и обветшалый дом. Отец шел с решительными намерениями дать семье денег, забрать ребенка в приемную семью и, наконец уладив скандал, забыть все, как страшный сон. Кирилл же, напротив, шел, как на казнь: что он скажет любимой? Как посмотрит в ее доверчивые глаза? В голове его, как в улье, роились мысли.

Зайдя в дом, они первым делом встретили бабуку, которая растапливала печь. Варя кормила ребенка, тихонько мурлыча ему песенку. Она сдержала слово и так и не назвала бабке имени отца своего ребенка. Увидев старого князя, бабка вдруг закричала не своим голосом:

— Аспид! Как посмел прийти сюда? Вон! Вон отсюда! Убийца! Яринку помнишь, душегуб?

Она орала так оголтело, что все замерли от неожиданности, не понимая в чем дело. Старый князь сначала не понял, о чем голосит бабка, но вдруг побледнел и рухнул на пол.

Он вспомнил свое давнее приключение и молодую девчонку, случайно встретившуюся на пасеке. Как он поразвлекался славно тогда! Как прекрасна была яростно отбивающаяся от него девушка. И эта ярость возбуждала его еще сильнее. Сколько их было таких? Покорные, почти безропотно принимавшие свою участь. Но эта была просто отчаянной! Он потом много раз вспоминал ее, и влажные, похотливые мечты бередили его душу. Однажды ему сказали, что девушка родила и от позора сбежала, да вроде как-то страшно сгинула. Старый барин равнодушно пожал плечами: не эта, так другая будет, — хотя девчонка ему запомнилась.

Старая Килина, схватившись за грудь, словно ей не хватало воздуха, стала медленно оседать возле печки. Варя и Кирилл вскочили и смотрели с ужасом, широко открытыми глазами. Кирилл подскочил к отцу, у которого внезапно лицо стало краснее свеклы и пошла носом кровь. Да не просто пошла, а потекла ручьем, и он обессиленно упал. Варя пыталась поднять рухнувшую бабку. Молодой барин и девушка были просто в недоумении от происходящего — как? Килина знает какую-то тайну барина? Да и он, судя по всему, тоже понимает, в чем дело.

— Смотри, Варюша! Вот он! Убийца твоей матери! — тыча костлявой рукой в старого князя, шипела Килина.

Несмотря на покидавшие ее силы, бабка продолжала кричать и рассказала то, что она никогда не рассказывала Варе об истории, которая случилась с ее матерью.

Красавица Яринка, девушка, которой только исполнилось шестнадцать лет, рано потерявшая свою мать, жила вместе с бабкой. Килина растила девочку с трех лет. Яринка была умная, добрая и работящая. Она жалела бабку, беря самую тяжелую работу по хозяйству на себя. Килина наглядеться не могла на внучку. Жалела только, что мать не видит, какая девчонка хорошая выросла. К ней уже и свататься приходил сын кузнеца. Хороший парень. Решили свадьбу после Крещения сыграть. Килина радовалась, представляя, как ее красавица

счастливого заживет с мужем, да и ей на старости угол будет. Да не все так сложилось, как задумывалось. В конце лета побежала Яринка на пасеку.

Старый и одинокий дед-пасечник всегда по-особенному относился к этой семье. Когда-то, в далекой молодости, он был влюблен в Килину и ушел на заработки, скопить денег на свадьбу да сватов засылать. А когда вернулся, то узнал, что Килину выдали замуж за звонаря. Звонарь был человеком не то чтобы зажиточным, но не бедствовал. Но с крутым нравом, да еще и выпить не дурак. Ревновал свою молодую жену, да и поколачивал частенько. Говорил, что и пьет оттого, что жена его не любит. Однажды пошел на зимнюю рыбалку, взяв из дома изрядно сивухи «для сугрева». Да возвращаясь обратно, и провалился под лед. Деревенские его вытащили, но он сильно заболел и через месяц умер. Килина вздохнула — хоть и тяжело одной с ребенком, да все лучше, чем с жестоким мужем-ревнивцем.

Пасечник к тому времени уже женился и имел деток. Все время сожалел, что не дал Бог ему жениться на Килине. Его дети выросли, да и разбрелись по свету, а жена умерла. Дед перебрался жить на пасеку.

Вот и сейчас прислал весточку Килине через деревенских мальчишек, чтобы за медом пришли. Яринка, схватив глиняный горшок, побежала через лес к пасечнику. Он встретил радостно, налил меда, а Яринка принесла ему молока и хлеба. Так, разговаривая, они сидели почти до вечера. Хорошо у него было, тихо. Только пчелки-труженицы жужжали в ульях. Яринка любила прибегать к доброму старику, а он, привыкший жить отшельником, всегда с радостью ее встречал. Когда солнце клонилось к закату, Яринка засобиралась домой. Вдруг на полянке, ведущей из леса, появился барин.

Это был отец Кирилла. Ему в ту пору было уже за пятьдесят. Высокий, грузный, с тяжелыми бакенбардами, он казался старше своих лет. Столкнувшись с ним, Яринка от неожиданности чуть не уронила горшочек с медом и с перепугу побежала, свернув не на ту тропинку. Пасечник кричал ей вслед, но она, убегая, ничего не слышала. Барин, приехавший поохотиться, сам немного заблудился в лесу, отстав от людей, и вышел на пасеку. Увидев убегающую девушку, он подкрутил свои усы и сказал встревоженному деду, что сам проведет девушку. Пасечник горько покачал головой.

Яринка вернулась домой глубокой ночью. Она пряталась в лесу, чтобы не видели люди ее порванной одежды. Боже правый, что же творил с ней старый барин! В разорванных дырах виднелось покрытое синяками и кровоподтеками худенькое тело, но яростно отбивающаяся Яринка только разжигала огонь в теле старого барина. Он был охотник, а она — добыча. Знал ведь, за такие забавы все равно ничего не будет. А людского суда не боялся — не убил же! Да если бы люди и начали роптать, то он знал способы, чтобы заставить молчать. И он, настигнув свою добычу, рвал ее тело, как зверь. Но оно не болело.

Болела душа Яринки! От бессилия, от надругательства, от безнаказанности. Килина поняла все сразу. Судорожно рыдая, девушка рассказала про барина и про то, что случилось в лесу. Килина, слушая, гладила внучку по голове, успокаивала, как могла, но уложив спать всхлипывающую Яринку, сама до утра неистово рыдала в сарае, проклиная бесправную крестьянскую жизнь.

Яринка разорвала помолвку с сыном кузнеца, который никак не мог понять причину. Вскоре стало известно, что у девушки будет ребенок. Когда стало заметно, то по селу поползли слухи и сплетни. Злые языки разное судачили, доводя девушку до слез. Кто-то жалел, а кто-то смаковал пересуды, добавляя каждый раз своих придумок.

Когда Варе исполнилось три месяца, Яринка, ставшая, как прокаженная для деревенских, собрала свои нехитрые пожитки в узелок и нанялась куда-то на время страды на работу. Да так больше и не вернулась. Подзаработав немного денег, она возвращалась домой. Да не суждено было увидеть бабку с дочкой, сгинула красавица Яринка... И говорили, что страшной смертью. Килина такого простить не могла.

— Вижу, вспомнил, пес ты шелудивый, что с девчонкой сотворил, — зловеще шипела бабка.

И вдруг она замерла, пораженная мыслью, подобной удару молнии: сын этого нелюдя является отцом ребенка Вари? Килина была на грани помешательства. Да неужели такое возможно? Старый барин — отец Вари! Это Килина всегда знала, а вот то, что внучка любовь крутит с молодым баринком, даже не подозревала. Пресвятая Богородица! Спаси и помилуй! Слепла она, что ли? Проглядела девчонку. Что теперь будет? Ведь Кирилл ей брат! Господи, что теперь делать?

Варя стала бледнее мела — брат? Кирилл ее родной брат? Мозг отказывался в это верить. Они совершили кровосмешение! Бог за это накажет! И Его наказание будет страшным! В висках у нее стучало: брат, брат, брат! Вдруг ее голову словно тисками сжало, будто обруч железный надели, и он сжимается все сильнее и сильнее, готовый раздавить ее голову, как орех.

Варя в ужасе выскочила на улицу. В голове была только одна мысль, которая пульсировала и била нещадными ударами кнута судьбы: «Брат! — еще удар, — брат! — Кнут заносится вверх и со свистом рассекает не только воздух, но и голову Вари еще ударом. — Брат!»

Она знала, что это не пройдет даром и наказание за кровосмешение еще впереди. Страшно! Господи, как страшно, темно и холодно внутри.

«Мама, где ты? Видишь ли свою дочку неразумную? — Варя подняла глаза и посмотрела на небо, оно было в тяжелых серых тучах, через которые проглядывало солнце. Но девушка хотела, чтобы была ночь, тьма, которая поможет спрятаться, скрывшись не от глаз людских, а от своей душевной боли и стыда. — Да неужели такое возможно? Что теперь будет? Господи, что теперь делать? Она должна все как-то осознать! Но как? Как такое можно осознать и не сойти с ума? Мама-а-а-а-а-а! Где ты? Я не знаю, что мне делать? Какие теперь могут быть оправдания? Любовь? Нет! Нет! Нет! А в висках, в унисон с сердцем, рвущимся из груди, стучало: брат, брат, брат! И этот стук, как набат колокола, звучавшего тогда, во время грозы, возле рыбацкого шалаша, предупреждавшего о грядущей беде, сейчас отдавался в каждой клеточке ее тела. А отец Кирилла, обесчестивший ее мать, стал причиной ее гибели? И теперь ко всему получается, что старый барин и есть ее отец? Как хочется убежать или закрыть глаза, чтобы ничего не видеть, не слышать, не осознавать, провалиться сквозь землю! Как теперь жить? Зачем?»

И вдруг железный обруч словно лопнул, и в голове стало ясно и спокойно. Да вот же оно, решение проблемы: не видеть, не слышать, убежать, а лучше вообще исчезнуть! Не быть! Не жить! Варя огляделась: лес шумел, поскрипывая еще голыми верхушками деревьев, словно хотел напомнить, что он все знает, все видел тогда с Яринкой. Нет, лес не виноват! Он видел не только ужасные события, но стал свидетелем большой и чистой любви. Варя не станет осквернять его еще одной болью. Она улыбнулась горькой улыбкой и вошла в сарай.

Кирилл, оставшийся в доме, тоже стоял ни живой ни мертвый. Как так случилось? Его отец, которого он считал добрым человеком, никогда не обижающим крестьян, на самом деле насильник и причина гибели Вариной матери? А он сам — отец ребенка своей сестры! Мир рухнул в одночасье! Кирилл пытался переварить все услышанное, но это было за гранью его понимания. Они с Варей согрешили. Страшно. Не ведая всего, но согрешили! Мысли путались в его голове.

Старый барин продолжал беспомощно хватать ртом воздух, истекая кровью. Кирилл держал голову отца, постепенно кровотечение остановилось, и он, оставив отца, вышел на улицу.

Он стоял и вдыхал холодный воздух, пытаясь хоть немного прийти в себя. Очень громко и как-то по-особенному страшно шумел лес. Даже не шумел, а будто стонал от надрывно завывающего в голых кронах ветра. Кирилл вспомнил, что со всеми этими событиями он так и не подошел к сыну, который сейчас надрывно плакал.

«Господи, — думал он, — а куда же убежала Варя? Бедная моя девочка! Сначала ее предал любимый человек, а потом вся правда о матери, но самое жестокое — узнать о кровосмешении. Что сейчас творится в ее сердечке? Какие мысли кружат в ее головке? Ягодка моя, что я наделал?»

Когда он увидел открытую в сарай дверь, у него холодок пробежал по спине от нехорошего предчувствия. Он внезапно все понял и уже знал, что он там увидит. На ватных ногах он вошел внутрь и остолбенел — Варя висела на перекладине. Черные волосы, словно змеи, струились по ее худеньким плечам.

Существовало поверье и обычай расплетать умирающей женщине волосы, как часть погребального обряда, чтобы символизировать свободу пути в иной мир, а коса, как символ жизненной силы и мирских привязанностей, расплеталась, чтобы душа быстро отделилась и улетела.

Значит, у Вари это было не спонтанное, а обдуманное решение. Она медленно расплетала тугую косу, готовя себе дорогу в иной мир. Что думала она в эти минуты, принимая роковое решение? Кирилл поднял свои глаза и посмотрел в ее лицо, на которое даже сама смерть не смогла наложить свою печать и сделать его менее прекрасным. Черные бархатные брови на белом лице словно удивленно приподняты. Что удивило ее в мгновение, которое перешло в вечность? Обескровленные губы застыли в последней муке. Кирилл закричал, как кричит смертельно раненный зверь. С надрывом, отчаянием и бессилием. Его девочка, его любовь, его боль, терпеливая, выносливая, маленькая, поверившая ему и отдавшая свою судьбу в его руки, пережившая предательство любимого, но не пережившая позора кровосмешения, наложила на себя руки.

Приковылявшая на крик Килина грузно осела возле дверей и беззвучно зашлась в рыданиях. Кирилл на руках занес холодное тело Вари в дом. Каким же хрупким и невесомым было оно. Эти руки, еще недавно качавшие их сына, теперь безжизненно покоились на груди, из которой даже сейчас вытекало материнское молоко, оставляя мокрые следы на белой рубашке, а губы, мурлыкающие колыбельную, застыли в вечном молчании.

Кирилл бережно положил Варю на лавку и вернулся за бабкой. Приведя ее в дом почти волоком, он опустился перед Варей на колени и горько, как в детстве, заплакал. Его душе не нужен был суд! Уже не нужен!

Сейчас его душа судила себя сама. Со всей строгостью. Называя вещи своими именами и не делая никаких поблажек. И не было в мире страшнее суда и наказания для израненной души, совершающей этот самосуд.

Он чувствовал, как его затягивает в какую-то воронку, и перед глазами возник круговорот событий: гроза, он в шалаше, с Варей. А вот он косит траву, а рядом смеется Варя. Он пытается корявыми пальцами сплести венок из луговых цветов, а рядом Варя. Он щурится от яркого солнца, прикрывает глаза руками, смотрит на виноградник и наблюдает, как сочные гроздья, впитавшие солнечные лучи и дышащие ароматом знойного лета, обещают сладость в каждой своей ягоде, и рядом смеющаяся, счастливая Варя складывает бережно их в корзинку.

А теперь ее нет. И уже никогда не будет. А теперь вообще ничего не будет! Кирилл просто выл. Как волк. Долго и протяжно. Потом он впал в ступор, из которого его вывело страшное шипение, доносившееся, казалось, из самой преисподней. Старая Килина каким-то чудом доползла и наклонилась над его отцом, и в бешеной ярости шипела в лицо старого барина:

— Будь ты проклят! Проклят! Сдохни, как собака! Врата Ада уже открыты для тебя и ждут. — И засмеявшись зловещим смехом, запрокинув седую растрепанную голову, продолжала: — Я хочу, чтобы кровь твоя раскаленным свинцом застряла в твоей поганой глотке, а руки-ноги твои плетями бесполезными висели, тело твое чуркой деревянной стало. Но голова, чтобы работала и думу думала только одну: скорее бы сдохнуть. Чтоб ты смерть молил прийти, да только она не торопилась. А когда придет, то не облегчение принесла, а муки вечные!

— А ты, — обратилась она к Кириллу, — если оставишь младенца, тоже будешь проклят, и не будет в мире силы, которая снимет это проклятие. Моя девочка любила тебя, подлеца. Запомни! Оставишь ребенка, накличешь беду на весь род свой! — и, повалившись набок, захрипела и умерла.

Услышав неистовые крики у своих соседей, тотчас прибежала старая кухарка Марфа. Остолбнев от ужаса увиденного, она пришла в себя только после того, как непрерывный крик уже охрипшего младенца вдруг стал похожим на бульканье или на жалобное мяуканье. Она быстро схватила малыша на руки и подняла столбиком. Его посиневшее личико стало розоветь. Передав малыша в руки Кирилла, она быстро нашла коровье молоко, развела его водой, вскипятила и, остудив, принялась кормить Андрюшку, который, причмокивая от удовольствия, наевшись, быстро уснул.

Дав с собой немного молока, Марфа настояла на том, чтобы Кирилл забрал малыша и отца и уехал в имение, чтобы срочно дал указание послать за лекарем, а сама осталась готовиться к похоронам Вари и Килины.

Кирилл возвращался домой в коляске, держа маленького Андрея на руках. Рядом лежал отец. У него отнялись ноги. Он не мог говорить, а только мычал, страшно ворочая глазами. Но Кириллу было все равно.

Лихорадочно думая, он перебирал в голове кучу вариантов дальнейшей жизни после всего случившегося. Вариантов было немного. А точнее, всего один — в монастырь. Отречься от этой грязной, жестокой жизни и посвятить остаток своих дней молитвам о прощении. Он будет молиться за себя, за Варю. Только не за отца. Когда Кирилл принял это решение, у него на душе стало спокойно.

Он четко все осознал: он трус! Он не смог защитить свою любовь! Правду сказала Килина, он подлец, бросивший девушку. Но зато сохранил честь семьи и уважил отца. Да кому теперь нужна честь его семьи? Он обеспечен в своих собственных глазах! И не было в мире силы, способной утолить его горе.

Приехав домой к матери, где отцу сразу вызвали лекаря, Кирилл все рассказал и заперся у себя в комнате с малышом, от которого не отходил ни на минуту. Его мать спешно велела привести кормилицу ребенку. Кирилл вынес ребенка покормить и объявил о своем решении развестись с женой и уйти в монастырь. Мать была просто потрясена, когда узнала о твердом решении сына.

Кирилл почти ничего не ел. В свою семью к жене он не возвращался. Его глаза блестели болезненным светом. В доме царил хаос. Мать боялась за душевное состояние сына. Просила священника поговорить с ним. После разговора батюшка сообщил о том, что Кирилл не изменит своего решения. Мать была взволнована не на шутку:

— Сынок, мы переживаем трудные времена. Твой отец очень болен. Ты оставил жену и уже больше недели ничего не ешь. Посмотри, ты из здорового и крепкого молодого человека превратился почти в седого старика с красными, воспаленными глазами.

— Девять дней, — задумчиво произнес Кирилл. — Сегодня девять дней, как умерла Варя. Девять дней, как я умер. Помянуть надо бы.

— Сынок, ты что такое говоришь? Бог с тобой! — мать была уже не взволнована, а находилась в состоянии острого беспокойства.

— Я молюсь день и ночь. Но ничего не меняется. Только отречься от всей этой мерзости и от всего земного. И молиться, молиться, молиться.

— Сынок, а как же твой ребенок? Ты уйдешь в монастырь, а его отдадут в чужие руки, — мать тщательно избегала слов «я отдам в чужие руки», — а так ты сможешь забрать его в свою семью. Все равно история уже подверглась огласке. Он будет расти рядом с тобой, — мать потихоньку старалась направить сына в нужное русло. И Кирилл вдруг встрепенулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.